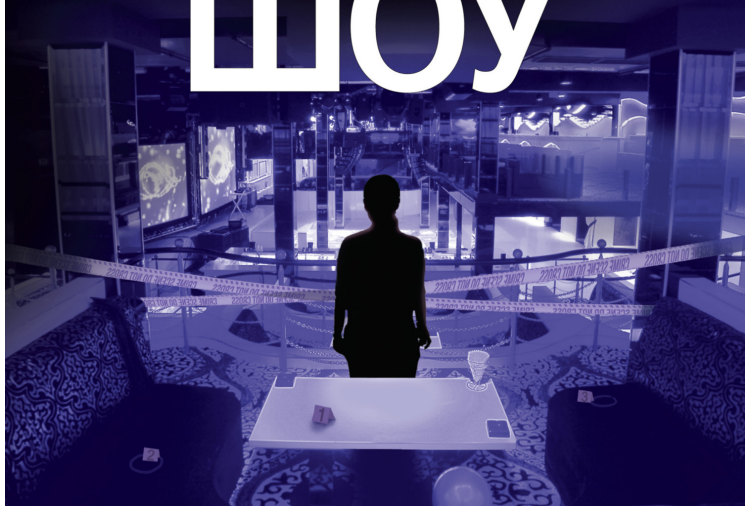

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА № 1
ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» —
НОВЫЙ ДЕТЕКТИВ И НОВЫЙ ГЕРОЙ!

МАЙКЛ КОННЕЛЛИ

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 74 000 000 КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

ПОСЛЕДНЕЕ ШОУ

Майкл Коннелли

Последнее шоу

Серия «Звезды мирового детектива»

Серия «Рене Бэллард», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64453127

Майкл Коннелли. Последнее шоу: Азбука, Азбука-Амтикус; СПб; 2021

ISBN 978-5-389-19528-8

Аннотация

Рене Бэллард могла бы сделать отличную карьеру в Управлении полиции Лос-Анджелеса, но после жалобы на домогательства начальника ее сослали с глаз подальше – теперь она работает в ночную смену. Ну а «ночной сеанс» в Голливудском участке УПЛА для детектива не предполагает ничего, кроме так называемого последнего шоу: ты можешь начать интересное дело, однако для тебя все заканчивается первичным рапортом, который наутро уплывет в руки другого сотрудника полиции. Но однажды ночью происходят два случая, которые затрагивают профессиональное любопытство Рене. Она ни за что не желает упускать этот шанс и в свободное время берется за расследование вопреки приказам и просьбам своего старшего напарника, предупреждающего ее об опасности. Что ж, привлекать к себе излишнее внимание действительно очень

опасно. Эти ночные убийства отличает нечто общее – одна и та же вызывающая жестокость...

Впервые на русском!

Содержание

1	8
2	15
3	29
4	44
5	55
6	69
7	77
8	88
9	102
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Майкл Коннелли

Последнее шоу

Michael Connelly

THE LATE SHOW

Copyright © 2017 by Hieronymus, Inc.

This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA

All rights reserved

© А. С. Полошак, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Майкл Конелли – американский писатель, автор детективных романов, в прошлом криминальный репортер, так что полицейскую работу знает не понаслышке. Его публикации имели широкий резонанс, одна из статей получила Пулицеровскую премию, и благодаря этому успеху талантливый журналист был приглашен в такую крупную газету, как «Лос-Анджелес таймс».

В 1992 году увидел свет первый роман Конелли «Черное эхо», за который автор был награжден премией Эдгара По в

номинации «Лучший дебют». После выхода четвертого романа Майкл Конелли смог целиком посвятить себя писательской работе. Он написал более 30 книг, многие из которых признаны бестселлерами № 1 по версии «New York Times».

Конелли является обладателем уникальной коллекции литературных наград из разных стран, в 2003 и 2004 годах возглавлял Ассоциацию детективных писателей Америки (MWA), в 2018 году был удостоен престижнейшей премии «Алмазный кинжал» Ассоциации писателей-криминалистов (CWA).

* * *

Отличный запуск серии от автора бестселлеров Конелли! Далее следует классический Конелли: мастер-класс по внутренней политике и культуре полиции Лос-Анджелеса, добротная детективная работа старого образца и современная судебная наука плюс главный герой, который умен, неумолим и рефлексивен.

Publishers Weekly starred review

Самая интригующая тайна в романе «Последнее шоу» – это главная героиня.

Tampa Bay Times

Бэллард – вот это сила! Такую героиню полюбят, начиная с первого романа серии. Нет сомнений, что Конелли настоящий мастер криминального жанра, и

«Последнее шоу» еще раз подтверждает это.

Associated Press

* * *

*Посвящается сержанту Стиву Оуэну
(управление шерифа округа Лос-Анджелес). Казнен
5 октября 2016 года, застрелен сквозь жетон*

1

Вскоре после полуночи Бэллард с Дженкинсом подкатили к дому на Эль-Сентро: первый вызов за смену. У бордюра уже стояла патрульная машина, а на крыльце бунгало – седая женщина в банном халате и двое людей в синем. Бэллард знала обоих: Джона Стэнли, старшего офицера смены – так сказать, главного по уличным делам, – и его напарника Джейкоба Росса.

– Твой клиент, – сказал Дженкинс.

За два года совместной работы выяснилось, что потерпевшие женского пола охотнее разговаривают с Бэллард. Не то чтобы Дженкинс пугал их, просто Бэллард лучше находила с ними общий язык. И наоборот: если потерпевшим был мужчина, с ним работал Дженкинс.

– Так точно, – ответила Бэллард.

Оба вышли из машины и направились к освещенному крыльцу. В руке у Бэллард была рация. Когда они поднялись на три ступеньки, Стэнли познакомил их с женщиной: Лесли Энн Лантана, семьдесят семь лет. Бэллард сразу поняла, что здесь по большому счету делать нечего. Как правило, расследование кражи со взломом заканчивается рапортом. Максимум вызовом дактилоскописта – это если повезет и детективы заметят, что преступник касался какой-нибудь поверхности, с которой можно снять отпечатки.

– Сегодня вечером миссис Лантана получила электронное извещение о мошенничестве. Кто-то хотел расплатиться ее карточкой на «Амазоне», – сказал Стэнли.

– Но вы ничего не покупали, – уточнила Бэллард, хоть это и так было ясно.

– Нет. Эту карточку я держу для непредвиденных случаев. В сети ею не пользуюсь, – ответила Лантана. – Потому-то система и заподозрила неладное. Для «Амазона» у меня другая кредитка.

– Понятно, – кивнула Бэллард. – В банк-эмитент уже звонили?

– Сперва решила проверить, не потерялась ли карточка. Оказалось, из сумки пропал кошелек. Его украли.

– Можете предположить, где и когда?

– Вчера я ездила в «Ральфс» за продуктами. Кредитка точно была в кошельке. Потом я вернулась домой и никуда не выходила.

– В магазине расплачивались карточкой?

– Нет, там я всегда плачу наличными. Погодите... Я доставала из кошелька бонусную карту «Ральфс».

– Скажите, вы не могли забыть кошелек в магазине? Может, на кассе, когда доставали бонусную карту?

– Нет, вряд ли. Я человек очень аккуратный, особенно с сумочкой и кошельком. И на слабоумие пока не жалуюсь.

– Я ни на что не намекаю, мэм. Просто задаю вопросы.

Бэллард решила повернуть разговор в другое русло, хоть

и допускала, что кошелек остался в магазине, а там его мог стащить кто угодно.

– Кто с вами живет, мэм? – спросила она.

– Никто, – ответила Лантана. – Я живу одна. Если не считать моего пса. Его зовут Космо.

– Итак, вчера вы вернулись из магазина. С тех пор кто-нибудь стучался к вам? Заходил в дом?

– Нет, никто.

– Ни друзья, ни родственники?

– Нет. Даже если бы и заходили, они не стали бы брать кошелек.

– Разумеется, и я снова ни на что не намекаю. Просто хочу разобраться, кто мог здесь побывать. Значит, вернувшись из «Ральфс», вы все время были дома?

– Совершенно верно.

– А как же Космо? Вы его выгуливаете?

– Конечно, дважды в день. Но всегда запираю дверь, и мы далеко не уходим. Он старый пес, да и я не молодею.

Бэллард понимающе улыбнулась.

– Каждый день гуляете в одно и то же время?

– Да, по расписанию. Так лучше для собаки.

– И как долго?

– Полчаса утром, вечером чуть подольше, в зависимости от самочувствия.

Бэллард кивнула. Любой гастролер к югу от Санта-Моники, заметив на улице эту старушку с собакой, мог просле-

дить, где она живет. Засек время прогулки, посмотрел, есть ли в доме другие жильцы, и вернулся на следующий день. Люди, как правило, не понимают, что распорядок дня – просто подарок для всевозможных мошенников. Чтобы войти и выйти, опытному вору надо минут десять, не больше.

– Что-то еще исчезло? Вы не смотрели, мэм? – спросила Бэллард.

– Пока нет, – ответила Лантана. – Как только увидела, что пропал кошелек, тут же вызвала полицию.

– Ну, в таком случае давайте посмотрим вместе. Вдруг что-нибудь заметите, – сказала Бэллард.

Пока они ходили по комнатам, Дженкинс проверил, все ли в порядке с замком на задней двери. В спальне обнаружилась подстилка, на которой лежал пес с седой от возраста мордой: помесь боксера с кем-то еще. Пес блестящими глазами проследил за Бэллард, но вставать не стал – слишком стар. Издал лишь утробный рык.

– Все хорошо, Космо, – успокоила его Лантана.

– Это у вас метис боксера и... – начала Бэллард.

– Риджбека, – сказала Лантана. – Ну, мы так думаем.

Бэллард не поняла, кто такие эти «мы»: Лантана и Космо или кто-то еще. Может, Лантана и ветеринар.

Заглянув в шкатулку с украшениями, старушка закончила осмотр и сообщила: похоже, все на месте, кроме кошелька. Бэллард снова подумала про «Ральфс». Или же вор поспешил уйти, хотя на самом деле времени у него было предо-

статочно.

Явился Дженкинс. Замки на обеих дверях были в порядке: следов отмычки или фомки не обнаружено.

— Когда гуляли с собакой, видели на улице что-нибудь странное? — спросила Бэллард у старухи. — Что-нибудь привлекло ваше внимание?

— Нет, ничего необычного, — ответила та.

— Поблизости нет стройки? Строители здесь не шастают?

— Нет, ничего такого.

Бэллард попросила Лантану показать сообщение из банка-эмитента. Они отправились на кухню. Там обнаружился закуток с ноутбуком, принтером и стойкой для бумаг. Стойка была забита конвертами. Похоже, здесь Лантана занималась оплатой счетов и онлайн-шопингом. Усевшись, она открыла нужное письмо. Бэллард наклонилась к ее плечу, прочла текст и попросила еще раз позвонить в службу поддержки.

На стене висел телефон с длинным проводом. Набрав номер, Лантана вернулась в закуток и передала трубку Бэллард. Та вышла в прихожую вместе с Дженкинсом, вытянув провод на всю длину. Специалист по мошенничеству говорил с индийским акцентом. Бэллард назвала свое имя и должность: детектив Управления полиции Лос-Анджелеса. Спросила, какой адрес доставки был указан при покупке, прежде чем ее отклонили по подозрению в мошенничестве. Специалист сказал, что может раскрыть эту информацию только по

решению суда.

– То есть? – удивилась Бэллард. – Вы же специалист по мошенничеству. Налицо факт обмана, и, если вы дадите мне адрес, это поможет следствию.

– Простите, не могу, – ответил индус. – Должен получить от юридического отдела разрешение, а пока его у меня нет.

– Соедините меня с юридическим отделом.

– Там никого. Сейчас обеденный перерыв.

– В таком случае переключите на вашего супервайзера.

Взглянув на Дженкинса, Бэллард сокрушенно помотала головой.

– Слушай, утром это дело пойдет на стол краж, – напомнил Дженкинс. – Пусть там и разбираются.

– Разбираются? Ага, как же! – хмыкнула Бэллард. – Там таких дел целая гора. Никто не станет им заниматься. Это нечестно по отношению к старушке.

И она кивнула в сторону кухни, где сидела жертва преступления. У той был несчастный и одинокий вид.

– Ну да, нечестно. А кто обещал, что будет иначе? – спросил Дженкинс. – Жизнь, она такая.

Через пять минут в трубке раздался голос супервайзера. Бэллард сказала, что дело срочное: у миссис Лантаны украли кредитку. Чтобы поймать вора, нужно действовать быстро. Супервайзер объяснил, что транзакцию отклонили, так что система сработала правильно.

– Вы говорите, что дело срочное, но я ничего срочного тут

не вижу, – добавил он.

– Система работает правильно только в том случае, если мы поймаем преступника, – с расстановкой произнесла Бэллард. – Неужели непонятно? Предотвратить попытку мошенничества – это еще не все. Да, вы защитили банк, но не миссис Лантану. А у нее дома, между прочим, побывал вор.

– Простите, – сказал супервайзер, – до решения суда ничем не могу помочь. Таковы правила.

– Как я могу к вам обращаться?

– Меня зовут Ирфан.

– Где вы, Ирфан?

– Не понял?

– В Мумбаи? В Дели? Где?

– Да, я в Мумбаи.

– Вот почему вам наплевать. Потому что этот ворюга не поедет в Мумбаи, не проникнет к вам в дом и не сопрет ваш бумажник. Большое вам спасибо!

Не дожидаясь очередной отговорки, Бэллард вернулась на кухню и повесила трубку.

– Ну ладно, – повернувшись к напарнику, произнесла она. – Едем в контору, пишем рапорт, сдаем в отдел краж. Погнали.

Но до участка Бэллард с Дженкинсом так и не доехали, и рапорт по делу Лантаны пришлось отложить. Начальник смены велел им отправляться в Голливудский пресвитерианский медицинский центр, взглянуть на потерпевшую с тяжелыми увечьями. Бросив машину с включенной мигалкой на парковке для «скорой», Бэллард с Дженкинсом прошли сквозь автоматические двери и оказались в отделении экстренной медицинской помощи. Бэллард взглянула на часы: в отчете нужно будет указать время прибытия. Циферблат над регистратурой показывал сорок одну минуту первого.

Под ним стоял патрульный – бледный, словно вампир. Бэллард кивнула ему, и он подошел, чтобы ввести детективов в курс дела. На рукаве ни одной нашивки – может, даже новобранец. В любом случае поступил на службу совсем недавно, и Бэллард не знала, как его зовут.

– Нашли ее на Санта-Монике, на парковке. Неподалеку от Хайленд, – сообщил патрульный. – Похоже, выбросили из машины. Наверное, преступник решил, что она мертва. Но ошибся: на пару минут она вроде как очнулась, но не полностью. Обработали ее на славу. По словам парамедика, не исключен перелом черепа. Она в палате. Мой наставник там же.

Стало быть, не только «тяжкие телесные». Может, еще и

похищение. Всё интереснее и интереснее. Взглянув на бейдж патрульного, Бэллард узнала, что его зовут Тейлор.

– Тейлор, я Бэллард, – представилась она, – а это детектив Дженкинс. Дитя ночи, как и мы с вами. Давно в «великолепной шестерке»?

– Вообще-то, первая смена, – признался Тейлор.

– Прямо из академии? Ну, добро пожаловать. В «шестерке» весело. Веселее, чем где-либо еще. Кто ваш наставник?

– Офицер Смит, мэм.

– Давайте без «мэм», я вам не мамаша.

– Простите, мэм. Ой...

– Смитти, значит? Что ж, вы в хороших руках. Смитти славный. У потерпевшей были документы?

– Нет. Ни сумочки, ничего. Пока ждали парамедиков, пробовали с ней поговорить. Она то приходила в себя, то снова отключалась. Вроде как сказала, что ее зовут Рамона.

– Что-нибудь еще говорила?

– Угу. «Дом вверх дном».

– «Дом вверх дном»?

– Да, именно так. Патрульный Смит спросил, знает ли она нападавшего. Ответила отрицательно. Спросил, где на нее напали, и она сказала: «Дом вверх дном». Говорю же, была не в себе.

Кивнув, Бэллард задумалась: что бы это значило?

– Ну ладно, – сказала она. – Сходим к ней, посмотрим сами.

Кивнув Дженкинсу, Бэллард направилась к двери, ведущей в палаты. На Бэллард был костюм «Ван Хьюзен», темно-серый в тонкую белую полоску. Она всегда считала, что деловая одежда хорошо подходит к светло-коричневой коже и выгоревшим на солнце волосам. К тому же, если ты невысокого роста, строгий костюм компенсирует нехватку авторитета. Бэллард сдвинула полу пиджака, так чтобы дежурный увидел жетон на ремне. Автоматические двери распахнулись.

В приемном покое для пациентов имелось шесть отдельных боксов, отгороженных занавесками. В центре помещения располагался диспетчерский стол. Вокруг него сновали доктора, медсестры и техники – на первый взгляд хаотично, но этот танец был срежиссирован рукой невидимого хореографа. Каждый был занят своим делом.

У бокса номер четыре стоял еще один патрульный. Бэллард с Дженкинсом направились напрямик к нему. На рукаве у патрульного было три шеврона – по одному за каждые пять лет службы. Бэллард была хорошо с ним знакома.

– Смитти, док уже там? – спросила она.

Патрульный Мелвин Смит отвлекся от написания эсэмэски.

– Бэллард, Дженкинс, как житуха? – И продолжил: – Не, она там одна. Скоро заберут в операционную. Трещина в голове, отек мозга. Говорят, надо вскрыть ей черепушку, чтобы сбросить давление.

– Представляю, как ты расстроен, – заметил Дженкинс.

– Стало быть, она неразговорчивая? – спросила Бэллард.

– Уже да, – кивнул Смит. – Ее накачали снотворным. Собираются ввести в кому, пока отек не спадет. Слушай, Бэллард, как там Лола? Давно ее не видел.

– Лола в полном порядке, – сказала Бэллард. – Вы сами ее нашли или вас кто-то надоумил?

– Была наводка, – ответил Смит. – Кто-то позвонил, но, когда мы приехали, на парковке уже никого не было – только потерпевшая. Поначалу решили, что ей каюк.

– Вызвали кого-нибудь, чтобы оцепить место преступления? – спросила Бэллард.

– Не-а. Там все равно ничего нет, кроме крови на асфальте, – пожал плечами Смит. – Тело выбросили из машины.

– Смитти, ну что за бред! Нужно отработать по месту. Давай-ка пулей на ту парковку и ждите бригаду. Сидите в машине, заполняйте свои бумажки, или чем вы там занимаетесь.

Смит взглянул на Дженкинса. Как старший детектив, тот должен был подтвердить приказ.

– Она права, – кивнул Дженкинс. – Место преступления нужно оцепить.

– Вас понял. – Судя по тону, Смит счел это поручение пустой тратой времени.

Сдвинув штору, Бэллард вошла в бокс номер четыре. Потерпевшая лежала на кровати, с трубками в носу и в руках.

Ее изуродованное тело было прикрыто зеленым больничным халатом из легкой ткани. За четырнадцать лет в полицейском департаменте Бэллард повидала немало жертв насилия, но такие серьезные раны обычно встречались лишь на трупах. Женщина была миниатюрной. Вес, если навскидку, не больше ста двадцати фунтов. Оба глаза полностью заплыли. Правая глазница, очевидно, сломана, перелом закрытый. Лицо справа обезображено опухолью, кожа содрана. Похоже, сперва ее жестоко избили, а потом волокли по какой-то шершавой поверхности. Не исключено, что по парковке. Наклонившись, Бэллард рассмотрела рану на нижней губе. Ее прокусили так, что губа развалилась надвое и теперь держалась на двух временных швах. Да, тут не обойтись без пластического хирурга. Если, конечно, потерпевшая выживет.

– Господи боже мой... – пробормотала Бэллард.

Она сняла с ремня смартфон, открыла приложение «Камера» и начала фотографировать: сперва все лицо, потом отдельные раны крупным планом. Дженкинс молча смотрел на нее. Он не впервые видел Бэллард за работой.

Расстегнув верхнюю пуговицу халата, Бэллард принялась изучать травмы на груди. Внимание ее привлекла левая сторона торса с четко очерченными синяками. Похоже, били не кулаком, а каким-то предметом.

– Глянь-ка, – кивнула Бэллард. – Кастет?

– Может, и кастет. – Дженкинс подался вперед. – Похоже на то. – И с отвращением отпрянул.

Джон Дженкинс служил уже двадцать пять лет. Бэллард знала, что он давно утратил остатки сострадания. Детектив он был неплохой – когда сам того хотел. В остальном же Дженкинс был похож на других ветеранов. Стремился лишь к тому, чтобы его оставили в покое и не отвлекали от служебных обязанностей. Здание полицейского управления в центре города называли полицейской администрацией, сокращенно ПА. Дженкинс и ему подобные расшифровывали эту аббревиатуру как «политический аппарат» или «политическая ахинея», кому что больше нравится.

В ночную смену обычно ставили тех, кто оказался в немилости у политиканов и бюрократов из управления. Дженкинс являлся одним из немногих добровольцев. У его жены был рак, и Дженкинс предпочитал дежурить по ночам, когда она спит – чтобы днем быть под рукой, если жене что-то понадобится.

Бэллард продолжала фотографировать. Груды потерпевшей также были повреждены, сосок правой прокушен, как и нижняя губа. Левая грудь была полной и круглой, правая – поменьше и плоской. Видимо, ударили так сильно, что под кожей лопнул имплант. Бэллард видела такое лишь однажды, и в тот раз жертва была мертва.

Осторожно застегнув халат, она проверила руки на предмет оборонительных ран. Ногти были сломаны и все в крови. Вокруг запястий – глубокие фиолетовые отметины. Значит, женщина была связана, и довольно долго. Речь о часах, не о

минутах. Может, даже несколько дней, прикинула Бэллард.

Она сделала еще несколько снимков и лишь потом обратила внимание на длину пальцев потерпевшей, на расстояние между костяшками. Санта-Моника, Хайленд... Нужно было сразу сообразить, что к чему. Приподняв край халата, Бэллард убедилась, что перед ней мужчина – ну, в биологическом смысле этого слова.

– Проклятье! Только этого зрелища мне не хватало, – заметил Дженкинс.

– Вот это поворот! – усмехнулась Бэллард. – Если Смитти все знал и решил нам не рассказывать, скотина он последняя.

Сдержав вспышку гнева, она вернулась к работе.

– Когда мы уезжали из конторы, не обратил внимания, есть кто в отделе нравов?

– Ага. Там у них какая-то движуха, – ответил Дженкинс. – Какая именно, не знаю. Пистоль-Пит заходил в комнату для отдыха. Кофе варил.

Отступив от кровати, Бэллард пролистала галерею смартфона, пока не дошла до фотографии лица. Сбросила снимок Питу Мендесу из отдела нравов. Добавила текст:

Рамона с бульвара Санта-Моника. Узнаёшь?

Мендес был легендой «шестерки» – по разным причинам – увы, не всегда лестным. Почти все время он работал на спецоперациях отдела нравов. В молодости на него не раз цепляли прослушку и выпускали на панель: изображать проститута. Записи – штука важная: услышав их на допросе, подо-

зреваемый, как правило, признаёт вину. Одна из этих пленок до сих пор пользовалась успехом. Ее включали, когда отдел провожал кого-нибудь на пенсию или собирался на вечеринку. Однажды Мендес стоял на бульваре Санта-Моника, и тут к нему подъехал потенциальный клиент. Прежде чем заговорить о цене, он задал Мендесу ряд вопросов: например, какова длина его пениса в эрегированном состоянии – само собой, другими словами.

Мендес ответил, что дюймов шесть.

Не сказав больше ни слова, разочарованный клиент укатил прочь. Через несколько секунд к Мендесу подрулил сидевший неподалеку сержант-куратор. Их разговор также остался на пленке.

– Мендес, нам нужны аресты, – отчитал его сержант. – В следующий раз, когда спросят, какого размера у тебя член, хотя бы преувеличивай.

– А я что сделал?! – огрызнулся Мендес, и это стало началом его вечного позора.

Бэллард сдвинула занавеску, чтобы посмотреть, там ли Смит, но их с Тейлором уже и след простыл. Она подошла к диспетчерской стойке, Дженкинс последовал за ней.

– Бэллард, Дженкинс, полиция Лос-Анджелеса, – обратилась она к медсестре. – Мне нужно поговорить с врачом, который ведет пациентку из четвертого бокса.

– Сейчас он во втором, – сказала медсестра. – Подождите, скоро выйдет.

– Когда у пациентки операция?

– Как только будет свободная операционная.

– Ей сделают проверку на изнасилование? Анальный мазок? И еще нам понадобятся обрезки ногтей. Поможете?

– Врачи будут бороться за ее жизнь. Это в приоритете. Об остальном договаривайтесь с врачом.

– Об этом я и прошу. Мне нужно...

В руке у Бэллард завибрировал телефон, она отвернулась. Мендес прислал ответ. Бэллард прочитала его Дженкинсу:

Рамона Рамон, дракон. Настоящее имя Рамон Гутьеррес. Был у нас пару недель назад. Список приводов длиннее, чем его член до операции.

– Милая формулировка.

– Особенно если учесть, какой у него самого размер, – добавил Дженкинс.

Драконами в отделе нравов называли трансгендеров всех мастей. Различий между ними не делали, и словечко это считалось приемлемым. Бэллард и сама пару лет поработала приманкой, так что знала сленг и представляла себе психологию ребят из отдела. Не важно, сколько часов групповой терапии убьют на этот вопрос: если прозвище прилипло, то навсегда.

Бэллард взглянула на Дженкинса. Но прежде чем успела открыть рот, он произнес:

– Нет.

– Что «нет»?

– Я знаю, что ты собираешься сказать. Что хочешь взять это дело.

– Оно для вампиров, его нужно вести по ночам. Сдадим в отдел секс-преступлений, и будет так же, как с Лантаной, – покачала головой Бэллард. – Его отложат в долгий ящик. Они работают с девяти до пяти, и в итоге никто ничего не делает.

– Все равно нет. Нам платят не за это.

Вот в чем была их основная нестыковка. Они работали в ночную смену. Так называемый ночной сеанс, последнее, можно сказать, шоу. Выезжали на место преступления, где требовался детектив, чтобы собрать первоначальные показания или подтвердить самоубийство. Брали одно дело за другим, но ни одного не оставляли себе. Писали первичный рапорт, а утром передавали дело в соответствующий отдел. Грабеж, изнасилование, кража со взломом, угон автомобиля и так далее и тому подобное. Иногда у Бэллард возникало желание довести хоть что-нибудь до конца. Но им платили не за это, и Дженкинс ни на йоту не отступал от инструкции. Он тоже работал «с девяти до пяти»: строго от звонка до звонка, разве что в ночную смену. У него была больная жена, и утром, когда она проснется, Дженкинс хотел быть дома. Сверхурочные его не интересовали – ни дела, ни деньги.

– Ну же, – взмолилась Бэллард, – что еще мы можем сделать?

– Съездим на место преступления. Посмотрим, действи-

тельно ли его можно так называть, – сказал Дженкинс. – Потом в контору. Напишем два рапорта: по этому парню и по старушке. Если повезет, вызовов больше не будет и до расвета мы просидим над бумажками. Поехали.

Дженкинс шагнул к выходу, но Бэллард осталась на месте. Развернувшись, он подошел к ней и осведомился:

– Что?

– Это дело рук настоящего злодея, Дженкс, – сказала Бэллард. – И ты прекрасно это знаешь.

– Вот только не нужно опять сворачивать на эту дорожку, потому что я с тобой не пойду. Мы же видели такое сотни раз. Парень катается по незнакомым улицам, видит телочку, тормозит. Договаривается, отвозит ее на парковку, а у телочки под мини-юбкой писюн. Парня накрывает покупательское раскаяние, он забивает телочку с писюном до полусмерти и едет себе дальше.

Он еще не закончил подводить итоги, а Бэллард уже мотала головой.

– А как же укусы? – возразила она. – А как же кастет? Это спланированная расправа. Рамона была связана, и довольно долго. Здесь действовал настоящий злодей, и я хочу оставить это дело себе, чтобы принести хоть какую-то пользу – так, для разнообразия.

Строго говоря, Дженкинс был старшим напарником, и в подобных случаях решающее слово оставалось за ним. При желании Бэллард могла воззвать к начальству, но ради парт-

нерства решение должно быть принято на месте.

– Значит, так. Я метнусь на место преступления, а потом сяду за писанину, – произнес Дженкинс. – Взлом пойдет на стол краж, а это дело – на стол преступлений против личности. Или даже к ребятам из убойного, ибо, как по мне, тот парнишка выглядит неважно. Я все сказал.

Озвучив свое решение, он снова повернулся к двери. Дженкинс служил так давно, что до сих пор называл отделы столами. В девяностых именно так и было: маленькие столы сдвигали вместе, чтобы получился один огромный: стол краж, стол преступлений против личности и так далее.

Бэллард собиралась последовать за ним, но, кое-что вспомнив, вернулась к медсестре и спросила:

– Где одежда потерпевшей?

– Ее уже упаковали, – ответила медсестра. – Минутку.

Остановившись у двери, Дженкинс оглянулся. Бэллард подняла палец: мол, подожди. Медсестра достала из шкафчика пластиковый пакет со всеми вещами Рамоны. Негусто: дешевая бижутерия и усыпанное блестками платье. На цепочке с двумя ключами – крошечный газовый баллончик. Ни кошелек, ни денег, ни телефона. Медсестра протянула пакет Бэллард.

Та дала ей свою визитку и попросила передать врачу, чтобы он с ней связался. Потом догнала напарника. Вместе они прошли сквозь автоматические двери и оказались на заднем крыльце. И тут у Бэллард снова зазвонил телефон. Она

взглянула на экран. Начальник смены, лейтенант Манро.

– Лейтенант?

– Бэллард, вы с Дженкинсом еще в Голливудском центре?

По голосу было ясно: что-то случилось. Замолчав, Бэллард жестом велела Дженкинсу подойти.

– Уже уходим. А что?

– Включи на громкую.

Бэллард коснулась иконки громкой связи:

– Готово, говорите.

– У нас четыре трупа в клубе на Сансет, – сказал Манро. – Какой-то парень расстрелял соседей по кабинке. В больницу везут пятую жертву, по последней информации, она еле жива. Бэллард, останешься там и посмотришь, что к чему. Дженкинс, Смитти и его салага тебя заберут. Делом, конечно, будет заниматься убойный отдел, но им нужно какое-то время на раскачку. Патрульные уже на месте: обустривают командный пункт и стерегут свидетелей. Но когда началась стрельба, те по большей части разбежались.

– Что за место? – спросил Дженкинс.

– «Дансерз». Неподалеку от Голливудского спортивного клуба, – сказал Манро. – Знаете, где это?

– Так точно, – подтвердила Бэллард.

– Вот и славно. Значит, Дженкинс, поедешь туда прямо сейчас. А ты, Бэллард, – как только закончишь с пятой жертвой.

– Лейтенант, нам нужно оцепить место преступления. На

парковке, где нашли Рамону Рамон, – сказала Бэллард. – Мы отправили туда Смитти и...

– Не сегодня, – перебил ее Манро. – Все внимание на «Дансерз». Туда отправляется весь личный состав.

– Значит, на наше дело остается лишь рукой махнуть? – спросила Бэллард.

– Передай его дневной смене. Завтра разберутся, – сказал Манро. – В общем, задание вы получили. Мне пора. – И он тут же отключился.

Дженкинс взглянул на Бэллард: дескать, я же говорил. Тут, как нарочно, ночную тишину разорвал вой полицейской сирены. Бэллард умела отличить этот звук от сирены «скорой». Смитти и Тейлор возвращались за Дженкинсом.

– Увидимся в клубе, – сказал он.

– Угу, – отозвалась Бэллард.

Сирена умолкла. У крыльца остановился патрульный «паркетник». Дженкинс втиснулся на заднее сиденье. Машина рванула с места, а Бэллард осталась на крыльце с пластиковым пакетом в руке.

Теперь она слышала вдалеке вторую сирену: к больнице спешила «скорая» с пятой жертвой. Бэллард глянула на часы сквозь стеклянные двери. Семнадцать минут второго. С начала смены прошло чуть больше двух часов.

Сирена умолкла, «скорая» остановилась у крыльца. Бэллард смотрела на нее, не сходя с места. Открылись задние двери фургона, и на крыльце появилась каталка с пятой жертвой. Та уже была подключена к дыхательному аппарату.

Подслушав разговор парамедиков с коллегами из отделения, Бэллард узнала: в машине женщина перестала дышать. Ее вернули к жизни, стабилизировали, но ненадолго: позже сердце вновь остановилось. Другая бригада, выскочив на крыльцо, завладела каталкой, и та помчалась через приемный покой к лифту, ведущему к операционным. Бэллард вошла в лифт последней. Встала в углу и смотрела, как четверо медиков в светло-голубых операционных халатах борются за жизнь пациентки.

Вздрогнув, лифт медленно пошел вверх. Бэллард не сводила глаз с потерпевшей. На женщине были обрезанные джинсы, высокие конверсы и окровавленная черная майка. К карману джинсов прикреплены четыре шариковые ручки. Должно быть, жертва работала официанткой в клубе, где случилась стрельба.

Пуля попала ей в центр груди. Лицо женщины было скрыто под кислородной маской, но Бэллард все же решила: ей лет двадцать пять. Взглянула ей на руки, но не увидела ни колец, ни браслетов. На внутренней стороне левого запястья

была черная татуировка: единорог.

– А вы кто?

Бэллард, подняв глаза, так и не поняла, кто к ней обращался: все были в масках. Голос был мужской, а из четырех медиков трое были мужчинами.

– Бэллард, полиция Лос-Анджелеса, – сказала она.

Сняла с ремня жетон и подняла его так, чтобы всем было видно.

– Наденьте маску. Мы возем ее в операционную.

В лифте был автомат с масками. Взяв одну, женщина протянула ее Бэллард, и та тут же ее надела.

– Стойте в сторонке и не мешайте.

Наконец двери лифта открылись. Бэллард быстро вышла в коридор и отступила в сторону. Каталка умчалась в операционную. Бэллард осталась снаружи, у стеклянного смотрового окна. Медики отчаянно пытались вернуть женщину к жизни и подготовить к операции, но спустя пятнадцать минут объявили, что пациентка мертва. Бэллард записала время: тридцать четыре минуты второго.

Все разошлись по другим палатам, и Бэллард осталась наедине с погибшей. Вскоре ее увезут из операционной в накопитель, а потом тело заберет фургон coronera. Но какое-то время у Бэллард еще оставалось. Она вошла в операционную и внимательно осмотрела женщину. Майка ее была разрезана, грудь обнажена.

Бэллард достала телефон и сделала фото пулевого отвер-

ствия в груди. Заметила, что следов пороха нет. Значит, стреляли не в упор: футов с четырех или больше. Выстрел был профессиональный, работа меткого стрелка: в движении, в напряженной обстановке, но в яблочко. Бэллард решила, что нужно иметь это в виду, если ей доведется столкнуться с убийцей лицом к лицу, хоть такое и крайне маловероятно.

На шее у женщины Бэллард заметила шнурок. Не цепочку, не ювелирное украшение – простой кусок бечевки. Если на нем и было что-то вроде кулона, Бэллард его не видела: шнурок уходил под копну окровавленных волос. Бэллард посмотрела на дверь, перевела взгляд на тело. Извлекла бечевку из-под волос и увидела на ней маленький ключ. В поддоне с хирургическими инструментами лежал скальпель. Схватив его, Бэллард разрежала бечевку и сняла ее с тела. Вынула из кармана пиджака латексную перчатку и, за неимением пакета для улики, положила в нее бечевку и ключ.

Спрятав перчатку в карман, Бэллард стала рассматривать лицо жертвы. Глаза женщины были приоткрыты, во рту остался резиновый воздуховод. Бэллард это не понравилось. Из-за него лицо женщины казалось надутым – таким, что при жизни она неминуемо смутилась бы. Бэллард хотелось убрать воздуховод, но это было против правил. Коронер должен получить тело в том же виде, в каком оно приняло смерть. Забрав ключ, Бэллард и так переступила границы дозволенного, но этот нелепый воздуховод не давал ей

покоя. Она уже тянулась к лицу женщины, когда за спиной раздался голос:

– Детектив?

Бэллард обернулась. Перед ней стоял парамедик из бригады, доставившей жертву в больницу. В руке у него был пластиковый пакет.

– Здесь ее передник. С чаевыми.

– Спасибо, – кивнула Бэллард. – Я заберу.

Она взяла пакет и подняла его на уровень глаз.

– Удостоверения личности не нашли?

– По-моему, нет, – покачал головой парамедик. – Она разносила напитки. Наверное, держала его в машине. Или в раздевалке, у себя шкафчике.

– Пожалуй.

– Но ее звали Синди.

– Синди?

– Да. Мы уточнили в клубе. Ну, чтобы говорить с ней по пути. Но без толку. Она перестала дышать.

Он опустил глаза на тело, и Бэллард показалось, что во взгляде его мелькнула грусть.

– Жаль, что мы не приехали на пару минут раньше, – продолжил парамедик. – Может, сумели бы ей помочь. Трудно сказать...

– Вы, ребята, сделали все, что от вас зависело. В этом я не сомневаюсь, – произнесла Бэллард. – Она сказала бы вам спасибо, если бы могла.

Парамедик снова взглянул на Бэллард:

– А теперь вы сделаете все, что зависит от вас?

– Верно, – кивнула она, понимая, что не будет вести это дело. Его заберет отдел по расследованию ограблений и убийств.

Парамедик ушел. Через некоторое время в палате появились двое санитаров. Тело нужно было забрать, операционную – простерилизовать и подготовить к работе с новыми пациентами: в реанимации выдалась напряженная ночь. Накрыв тело пластиковой простыней, санитары увезли каталку. Левая рука выпала из-под пластика, и Бэллард снова увидела единорога на запястье. Она вышла следом за каталкой, сжимая в руках пакет с передником.

Прошагала по коридору, поглядывая в окна других операционных. В одной из них был Рамон Гутьеррес: ему снимали внутричерепное давление. Несколько минут Бэллард наблюдала за работой хирургов, а потом завибрировал телефон. Лейтенант Манро интересовался состоянием пятой жертвы. По пути к лифту Бэллард набрала ответ:

ДВК. Выезжаю на место.

Этот древний полицейский код было принято ставить в конце сообщения. Некоторые расшифровывали его как «Держите в курсе», но по факту он означал «Конец связи». Со временем им стали пользоваться, чтобы доложить об окончании смены или, как в нынешнем случае, о смерти жертвы.

Спускаясь в медленном лифте, Бэллард надела латексную перчатку и открыла пластиковый пакет с передником. Прошла по карманам. В одном обнаружила пачка наличности, в другом – сигареты, зажигалка и маленький блокнот. Бэллард не раз бывала в «Дансерз» и знала, что его называли в честь клуба из «Долгого прощания», великого романа, действие которого разворачивалось в Лос-Анджелесе. В «Дансерз» предлагали отдельную карту коктейлей с литературными названиями, имеющими отношение к Лос-Анджелесу: «Черная орхидея», «Белобрысая молния», «Индиго-Слэм»... Без блокнота официантке не обойтись.

Бэллард вышла к машине, открыла багажник и убрала пакет в картонную коробку. За одну смену они с Дженкинсом, бывало, собирали вещественные доказательства по трем-четырем делам, так что коробок было несколько. В одной уже лежали вещи Рамона Гутьерреса. Передник Бэллард положила в другую. Заклеила ее красным скотчем с надписью «улики» и захлопнула багажник.

К тому времени, как Бэллард приехала в клуб, место преступления превратилось в трехуровневую арену, но не как в цирке Барнума и Бейли, а в полицейском смысле. Три концентрических круга обозначали важность дела, его сложность и степень освещения в прессе. Первый круг, в центре – само место преступления, где трудились следователи и криминалисты. Красная зона. Второй круг – для начальства, людей в форме и специалистов по работе с зеваками и прессой.

Третий и последний – репортеры, фотографы и прочая публика.

Все восточные улицы, ведущие на бульвар Сансет, были уже перекрыты, чтобы не чинить препятствий автомобилям полицейских и журналистов, коих там собралось великое множество. На западных машины еле двигались, вытянувшись в длинную вереницу красных стоп-сигналов: водители замедляли ход, чтобы взглянуть, что стряслось. Оставив машину в квартале от «Дансерз», так как ближе места не нашлось, Бэллард вернулась к клубу на своих двоих. Сняла жетон с ремня, распустила обмотанный вокруг клипсы шнурок и нацепила его на шею. Теперь жетон висел у нее на груди, на самом видном месте.

Возле клуба она оглянулась в поисках патрульного, ведущего запись прибывших на место преступления. Первые два круга уже были обнесены желтой лентой. Приподняв одну, Бэллард прошла под ней и тут же увидела полицейского с планшетом в руках: тот стоял у второй. Его звали Данвуди, и Бэллард была с ним знакома.

– Вуди, запиши меня, – сказала она.

– Детектив Бэллард, – проговорил полицейский, водя ручкой по планшету. – А я думал, этим делом занимается ОРОУ.

– Так и есть. Я была в Голливудском центре с пятой жертвой. Кто главный?

– Лейтенант Оливас. А с ним начальство из Голливудского

дивизиона и Западного бюро, и все норовят сунуть в это дело свой нос.

Бэллард едва сдержала стон. Роберт Оливас шустро продвигался по карьерной лестнице ОРОУ – отдела по расследованию ограблений и убийств. Четыре года назад у них с Бэллард был неприятный инцидент, когда Оливас возглавил ее группу: пришел на повышение из главного отдела по борьбе с наркотиками. В результате Бэллард очутилась на «ночном сеансе» в Голливудском участке.

– Дженкинса не видел? – спросила она и тут же задумалась, как бы избежать необходимости отчитываться перед Оливасом насчет пятой жертвы.

– Кстати говоря, видел, – сказал Данвуди. – Вот только где? Ах да, скоро подгонят автобус для свидетелей. Хотят увезти всех в контору. По-моему, Дженкинс за ними присматривает – ну, чтобы не разбежались. Когда началась стрельба, все рванули, как крысы с тонущего корабля. По крайней мере, мне так сказали.

Бэллард подошла вплотную к Данвуди, чтобы никто ее не услышал. Провела взглядом по морю полицейских машин с мерцающими «люстрами» и спросила:

– Что еще тебе сказали, Вуди? Что там случилось? Что-то вроде прошлогоднего случая в Орландо?

– Нет-нет, к терроризму это отношения не имеет, – ответил Данвуди. – Говорят, в кабинке сидели четверо парней и что-то пошло не так. Один достал пушку и расстрелял

остальных троих. На выходе уложил вышибалу и официантку.

Бэллард кивнула. Картинка начинала проясняться.

– Так где, говоришь, Дженкинс со свидетелями?

– В соседнем дворике. Где раньше был «Кот и скрипка».

– Ясно. Спасибо.

Рядом с «Дансерз» было старинное здание в испанском стиле, с внутренним двориком и садом. Раньше там располагалась открытая веранда английского паба «Кот и скрипка», излюбленное место отдыха копов из Голливудского участка – после работы, а иной раз и во время нее. Года два назад заведение закрылось, не справившись с ростом арендной платы, и теперь здание пустовало. На сегодня его экспроприировали и устроили во дворе загончик для свидетелей.

Арку, ведущую в сад, караулил еще один патрульный. Он кивнул, взглянув на Бэллард, и та протиснулась в щель между створками кованых ворот. Дженкинс сидел за каменным столом и делал какие-то пометки в блокноте.

– Дженкс! – окликнула его Бэллард.

– Я за него, – отозвался Дженкинс. – Слышал, та девица не выжила.

– Перестала дышать еще в «скорой». Воскресить не смогли. Я с ней так и не поговорила. Есть что?

– Не особо. Когда началась стрельба, те, кто поумнее, залегли на пол. А самые умные разбежались на все четыре стороны, так что здесь их нет. Насколько мне известно, мы осво-

бодимся, как только для этих бедолаг найдут автобус. Этим занимается убойный отдел.

– Нужно с кем-нибудь переговорить. По поводу той девушки.

– Ну, тогда тебе надо к Оливасу или кому-то из его ребят. Не уверен, что тебе этого хочется.

– А что, у меня есть выбор? Ты же прилип к этой скамейке.

– И, заметь, не по собственной воле.

– Никто из здешних не видел, как подстрелили официантку?

Дженкинс обвел взглядом столы, за которыми ждали человек двадцать голливудских хипстеров и завсегдатаев ночных клубов, все в пирсинге и татуировках.

– Нет, но насколько мне известно, когда началась стрельба, девушка принесла в кабинку напитки. Там было четверо. Один выхватил пушку и пристрелил остальных троих на месте. Все, включая стрелка, бросились к выходу. По пути он уложил твою официантку. И еще вышибалу.

– И никто не знает, в чем дело?

– Из этих, – он махнул рукой на свидетелей, – никто.

Один из сидевших за соседним каменным столом, похоже, расценил этот жест как приглашение. Встал и подошел, позвякивая цепью, идущей от ремня к заднему карману черных джинсов. Должно быть, к цепи был пристегнут бумажник.

– Слышь, чувак, когда мы тут закончим? – спросил он, об-

ращаясь к Дженкинсу. – Я ничего не видел, ничего не знаю.

– Повторяю, – сказал Дженкинс, – никто отсюда не уйдет, пока детективы не возьмут у всех показания. Вернитесь на место, сэр.

Голос его прозвучал грозно и властно, полностью нивелируя значение слова «сэр». Хипстер на секунду застыл, не сводя глаз с Дженкинса, а потом вернулся к своему столу.

– Они разве не знают, что скоро их погрузят в автобус? – тихонько спросила Бэллард.

– Пока нет, – ответил Дженкинс.

Бэллард хотела что-то сказать, но тут зазвонил смартфон, и она взглянула на экран. Номер не определился, но Бэллард решила ответить: скорее всего, это кто-то из копов.

– Бэллард.

– Детектив, это лейтенант Оливас. Мне сообщили, что вы были в Пресвитерианском с пятой жертвой. Сам бы я вас туда не отправил, но вы, насколько мне известно, уже там находились.

Прежде чем ответить, Бэллард помолчала. Грудь ей сдавило от страха.

– Верно, – наконец ответила она. – Девушка мертва. Тело дожидается бригады coronera.

– Вы сумели взять у нее показания?

– Нет. Она скончалась, не приходя в сознание. Ее пытались реанимировать, но ничего не вышло.

– Ясно, – произнес Оливас таким тоном, словно в преж-

девременной кончине официантки была виновата Бэллард и никто иной.

Бэллард снова помолчала.

– Чтобы утром рапорт был готов, – продолжил Оливас. – У меня всё.

– Э-э-э... Я сейчас здесь, на месте преступления, – успела сказать Бэллард, пока лейтенант не отключился. – В соседнем здании – там, где свидетели. С напарником.

– И?

– И у жертвы не было удостоверения личности. Она работала официанткой. Наверное, в раздевалке у нее есть шкафчик, а в нем – кошелек и телефон. Мне бы хотелось...

– Синтия Хэддел, так ее звали. Мне сказал управляющий.

– Мне забрать ее вещи и подтвердить личность? Или этим займутся ваши люди?

Теперь помолчал Оливас. Казалось, он обдумывает что-то, не имеющее отношения к делу.

– У меня есть ключ. Думаю, он от ее шкафчика, – продолжила Бэллард. – Парамедик дал.

Правдой это можно было назвать лишь с большой натяжкой, но лейтенанту совсем не обязательно знать, как именно Бэллард раздобыла ключ.

– Хорошо, приступайте, – сказал наконец Оливас. – Все мои люди заняты другими делами. Но не увлекайтесь, Бэллард. Это второстепенная жертва. Попалась под руку в неудачный момент. Сопутствующие потери. Можете сооб-

щить родным. Сэкономите время моим ребятам. Главное, не путайтесь под ногами.

– Ясно.

– И повторяю: чтобы утром рапорт был у меня.

Оливас отключился, прежде чем Бэллард успела ответить.

Пару секунд она, не опуская телефона, обдумывала его слова. Сопутствующие потери. Синди Хэддел попалась под руку в неудачный момент. Бэллард знала, каково это.

Она убрала телефон.

– Ну и? – спросил Дженкинс.

– Мне нужно в клуб. Проверить ее шкафчик, найти удостоверение личности. И еще Оливас велел связаться с ее родней.

– Ох, черт!

– Не переживай. Я все сделаю.

– Нет, так дело не пойдет. Вызвалась сама, подписала и меня.

– Я не вызвалась на разговор с родней. Ты же все слышал.

– Ты вызвалась участвовать. Само собой, он спихнул на тебя самую дерьмовую работу.

Бэллард не хотелось ссориться. Отвернувшись, она взглянула на публику за столами и увидела двух девушек в обрешанных джинсах и майках – одна в черной, другая в белой. Подошла к ним, показала жетон. Хотела заговорить, но белая майка ее опередила:

– Мы ничего не видели.

– Это я уже знаю, – кивнула Бэллард. – Хочу спросить про Синди Хэддел. Вы с ней знакомы?

Белая майка пожала плечами.

– Ну да, по работе, – сказала черная майка. – Синди клевая. Выжила?

Бэллард покачала головой. Обе официантки, словно по команде, вскинули ладони к губам.

– О господи... – пробормотала белая майка.

– Вы о ней что-нибудь знаете? – спросила Бэллард. – Муж, бойфренд... Что-то в этом роде?

Они ничего не знали.

– В клубе есть раздевалка для персонала? Может, шкафчик, в котором она держала кошелек и телефон? – продолжила Бэллард.

– Да, шкафчики есть. На кухне, – ответила белая майка. – Там мы запираем наши вещи.

– Хорошо. Спасибо. Вы с ней сегодня разговаривали? До того, как началась стрельба?

– По работе, – сообщила черная майка. – Ну, кто дает чаевые, кто не дает. Кто руки распускает. В общем, как обычно.

– А сегодня кто-то распускал руки? – спросила Бэллард.

– Да не особо, – ответила черная майка.

– Она хвасталась, что кто-то дал ей полтинник, – добавила белая. – По-моему, кто-то из той кабинки. А потом началась стрельба.

– С чего вы так решили? – спросила Бэллард.

– Она обслуживала их столик, а на вид они были кутилы.

– То есть при деньгах? Пускали пыль в глаза?

– Ага. Кутилы.

– Ладно. Что-нибудь еще?

Переглянувшись, официантки уставились на Бэллард, после чего дружно помотали головами.

Оставив их в покое, Бэллард вернулась к напарнику.

– Пойду в клуб.

– Не заблудись, – предупредил Дженкинс. – Как только закончу смотреть за детишками, хочу оповестить родных убитой и засесть за писанину. И все.

Значит, остаток смены будет посвящен бумажной работе.

– Так точно, – сказала Бэллард и ушла, оставив Дженкинса сидеть на каменной скамейке.

Шагая к дверям «Дансерз», она думала лишь об одном: как бы пробраться к шкафчикам, не попавшись на глаза лейтенанту Оливасу.

В клубе было не протолкнуться от детективов, технических специалистов, фотографов и видеооператоров. Женщина из отдела моделирования занималась установкой панорамной камеры. Когда все улики будут помечены, следовательно с техниками отойдут в сторонку, и камера сделает трехмерную запись места преступления в формате высокой четкости. На ее основе построят модель помещения, которую позже покажут в суде, если таковой состоится. Процедура не из дешевых. Бэллард впервые видела, чтобы эту камеру ставили в полевых условиях – для воссоздания перестрелки, в которой не замешан полицейский. Ей стало ясно: сюда действительно брошены все силы.

Бэллард насчитала девять детективов из особой группы ОРОУ. Со всеми она была знакома, некоторые ей даже нравились. Каждому было поручено провести осмотр отдельного участка, и все они перемещались по клубу под недремлющим оком лейтенанта Оливаса. По полу были расставлены желтые таблички с номерами улик: возле гильз, разбитых бокалов для martinis и прочего мусора.

Жертвы – все, кроме Синтии Хэддел, – оставались на своих местах. После фото- и видеосъемки их осмотрит бригада коронера, после чего тела увезут на вскрытие. В зале была и сама коронер, Джайалалита Паннерсельвам. Ее присутствие

на месте преступления было большой редкостью и подчеркивало важность дела: как-никак массовое убийство. Доктор Джей – обычно к ней обращались именно так – стояла за плечом у фотографа и подсказывала, что снимать.

Стены огромного двухъярусного зала были выкрашены в черный цвет. У дальней стены нижнего яруса располагался бар, а напротив него – небольшой танцпол, окруженный пальмами и приватными кабинками, затянутыми в черную кожу. Увешанные белыми фонариками пальмы доходили до стеклянного атриума двумя этажами выше. По обеим сторонам от бара были лестницы на второй ярус: два пролета по шесть ступеней, ведущие к другим кабинкам и барным стойкам поменьше.

Четыре кабинки главного зала располагались в форме клеверного листа. В одной из них было трое мертвецов. Двое все еще сидели на своих местах. Тот, что слева – чернокожий, – запрокинул голову. Белый, сидевший справа, приник к плечу чернокожего, словно выпил лишнего и задремал. Третий, тоже белый, завалился набок. Голова и плечи его оказались в проходе между кабинками, а седеющие волосы, собранные в конский хвост, – в луже крови на полу.

В другом проходе, в двадцати футах от кабинки, лицом вниз лежал четвертый: черный здоровяк. Руки по бокам, ладонями вверх. На правом бедре – пустая кобура. Под соседним столом Бэллард заметила желтый пластиковый тазер.

В десяти футах от четвертого тела расплылось кровавое

пятно, окруженное желтыми табличками и обрывками целлофана: здесь парамедики пытались спасти жизнь Синтии Хэддел. Рядом лежал круглый поднос из нержавеющей стали – должно быть, ее рабочий инструмент.

Бэллард поднялась наверх, чтобы получше рассмотреть место преступления. Лейтенант Манро уже говорил, что стрельба началась в кабинке. В целом было несложно понять, что произошло дальше. Трое были убиты на месте. Стрелок прикончил их по порядку, одного за другим. Затем выскочил и побежал по проходу между кабинками. Столкнулся с вышибалой: тот, вытащив тазер, мчался навстречу своей гибели. Получил пулю, упал ничком и, скорее всего, сразу же умер.

За ним стояла официантка.

Бэллард представила, как Синтия Хэддел, не в силах двинуться с места, смотрит на убийцу. Возможно, поднимает поднос, чтобы закрыться им, словно щитом. Стрелок не стоял на месте и все же сумел попасть ей в центр груди. Бэллард задумалась, почему он выстрелил. Потому что девушка оказалась у него на пути? Или боялся, что она сумеет его опознать? В любом случае действовал он хладнокровно. Бэллард вспомнились слова, которые она сказала Дженкинсу: настоящий злодей. Как и тот, кто напал на Рамону Рамон. В обоих случаях одна и та же грубая жестокость, это уж точно.

Бэллард заметила детектива Кена Честейна. В одной руке у него была кожаная папка с планшетом для записей, в

другой – шариковая ручка. Он никогда не являлся на место преступления без своего планшета. Не замечая стоявшей наверху Бэллард, он склонился над выпавшим из кабинки мужчиной и начал что-то писать на желтом линованном листе. Вид у Честейна был изможденный: должно быть, совесть замучила. По крайней мере, Бэллард хотелось в это верить. Почти пять лет они с Честейном были напарниками в особой группе убойного отдела. Потом Бэллард подала жалобу на Оливаса, а Честейн отказался ее подтвердить, хоть и был непосредственным свидетелем поступка, совершенного лейтенантом. Без его показаний делу не дали ход. Отдел служебных расследований пришел к выводу, что жалоба необоснованна. Оливас остался на своей должности, а Бэллард перевели в Голливудский дивизион. Тамошний капитан, водивший дружбу с Оливасом еще с академии, определил Бэллард к Дженкинсу, в ночную смену. «Ночной сеанс». Вот и все, добавить нечего.

Отвернувшись от бывшего напарника, Бэллард подняла взгляд на потолок, пробежалась глазами по углам клуба. Интересно, есть ли здесь камеры, и, если так, удалось ли заснять момент стрельбы. Записи с камер наблюдения, что внутри, что снаружи, – первейшие улики для следствия. Но камер не было видно. Бэллард знала, что многие голливудские клубы отказались от видеонаблюдения: клиенты – в особенности знаменитые – были против видеофиксации своих ночных похождений. Если запись попадала на tmz.com или другой веб-

сайт, любому заведению, даже самому модному, оставалось лишь начинать процедуру банкротства. Без звездных завсегдатаев клубу не видать ни очередей у входа, ни денежных клиентов. Если известные люди обходят твой клуб стороной, рано или поздно все остальные тоже потеряют к нему интерес.

Решив не привлекать к себе лишнего внимания, Бэллард спустилась вниз и поискала взглядом стол судебной экспертизы. Его поставили в сторонке, у второй лестницы. Бэллард подошла к нему, взяла пару пластиковых пакетов для улики и направилась к бару. Справа от него были двустворчатые двери, а за ними, предположительно, кухня.

Так и оказалось. В маленьком помещении никого не было. Бэллард заметила, что некоторые конфорки на плите до сих пор не выключены. Клуб «Дансерз» не делал ставку на кулинарные изыски. По большей части здесь подавали барные закуски, приготовленные на гриле или во фритюрнице. Обогнув блестящий стол из нержавеющей стали, Бэллард выключила газ. Возвращаясь назад, она чуть не поскользнулась на жирном пятне: подвели бумажные бахилы, которые она надела перед тем, как войти в клуб.

В дальнем углу кухни была ниша. У одной ее стены рядом стояли отдельные шкафчики, у другой был уголок для отдыха: стол и два стула. Над столом висел знак «Не курить». Прямо под ним стояла пепельница, полная окурков. Бэллард повезло: на дверцы шкафчиков были наклеены по-

лоски скотча с именами. «Синди» среди них не было, но Бэллард обнаружила шкафчик с надписью «Синдерс». Предположила, что он принадлежит Синтии Хэддел, и не ошиблась: ключ, снятый с тела пятой жертвы, подошел к замку.

В шкафчике были миниатюрная сумочка фирмы «Кейт Спейд», ветровка, пачка сигарет и светло-коричневый конверт. Прежде чем брать что-то в руки, Бэллард надела перчатки. Ей было известно: скорее всего, содержимое шкафчика сочтут не уликами, а личными вещами погибшей, но перчатки – это правило хорошего тона. Мало ли, вдруг в шкафчике найдется что-нибудь важное для следствия.

В сумочке обнаружился кошелек, а в нем – водительское удостоверение на имя Синтии Хэддел с указанием возраста: двадцать три года, и адреса: квартира или таунхаус на Ла-Бреа. Девушка жила в двадцати минутах ходьбы от клуба. Еще в кошельке было триста восемьдесят три доллара – многовато, подумала Бэллард – и две карточки: дебетовая «Wells Fargo» и кредитная «Visa». Кроме кошелька, в сумочке лежало кольцо с двумя ключами – пожалуй, не от машины, а от квартиры – и рядом мобильный телефон. Он был заряжен, но для разблокировки требовался отпечаток большого пальца.

В конверте оказалась пачка фотографий формата А4, все с лицом Хэддел. На каждой она призывно улыбалась. Внизу было имя: Синдерс Хейден. Перевернув верхнее фото, Бэллард увидела короткое резюме с перечнем ролей Хэддел/Хейден в кино и на телевидении. Все незначительные,

персонажи по большей части безымянные, чаще всего – «девушка в баре». Одна роль – в сериале «Босх», основанном на похождениях детектива из отдела убийств Голливудского дивизиона, ныне пенсионера. Бэллард слышала про этот фильм. Некоторые сцены снимали в самом участке, а взамен телекомпания устроила для дивизиона рождественскую вечеринку в гостинице «Дабл Ю».

В резюме говорилось, что Хэддел/Хейден родилась и выросла в Модесто, что в Централ-Вэлли. Ниже были перечислены ее заслуги в местном театре, имена преподавателей актерского мастерства и различные навыки, которые могли пригодиться для ролей: катание на роликах, йога, гимнастика, верховая езда, серфинг, беглый французский, работа за барной стойкой, работа официанткой. Также в резюме было указано, что Хэддел готова к ролям с частичной наготой.

Снова перевернув фото, Бэллард внимательно посмотрела на лицо Хэддел. Очевидно, работа в «Дансерз» не была пределом ее мечтаний. Фотографии хранились в шкафчике на тот случай, если кто-то из клиентов спросит, снимается ли она в кино, и предложит помочь. Эта древняя голливудская ловушка всегда работает безотказно, в особенности если ты юная девушка с большими мечтами.

– Модесто, – произнесла вслух Бэллард.

Наконец она достала из шкафчика пачку «Мальборо лайтс». По весу было ясно: в ней не только сигареты. Открыв ее, Бэллард увидела несколько сигарет, а рядом с ни-

ми – стеклянный флакончик. Вытащив его, обнаружила, что флакончик до половины наполнен бело-желтыми таблетками. На каждой был оттиск в форме сердечка. Бэллард сразу поняла, что это «молли» – излюбленный синтетический наркотик клубной публики, в последние годы вытеснивший «экстази». Похоже, Хэддел приторговывала им в клубе – то ли с согласия руководства, то ли без него. Бэллард напишет об этом в рапорте, а Оливас и его команда решат, связан ли этот факт с сегодняшней бойней. Всегда есть вероятность, что второстепенная деталь выйдет на первый план.

Сложив содержимое шкафчика, за исключением кольца с ключами, в пакет для улик, Бэллард закрыла дверцу и защелкнула навесной замок. Положила ключ от замка в пакет, запечатала его, поставила свою подпись и наконец вышла в главный зал.

Честейн до сих пор сидел на корточках перед третьим трупом, но теперь рядом с ним была доктор Джей. Чтобы лучше разглядеть тело, она склонилась над правым плечом детектива. Над левым склонился Оливас. Бэллард поняла: Честейн обнаружил что-то важное. Он был хороший детектив, даром что предатель. За годы работы в убойном отделе они с Бэллард раскрыли несколько дел. Его отец, тоже детектив полиции Лос-Анджелеса, погиб при исполнении, и на жетоне Честейна всегда была черная траурная лента. Спору нет, раскрывать преступления он был мастер, и лейтенант считал его самым компетентным человеком в отделе, при-

чем вполне заслуженно. У Честейна была лишь одна неприятная черта: когда он не занимался раскрытием очередного дела, стрелка его морального компаса не всегда указывала в нужном направлении. Его решения бывали продиктованы политическими и бюрократическими мотивами, а не понятиями «хорошо» и «плохо». Бэллард прочувствовала это на собственной шкуре.

Доктор Джей похлопала Честейна по плечу, чтобы тот подвинулся и открыл ей доступ к телу. Пока они менялись местами, Бэллард хорошенько рассмотрела мертвеца, свисающего из кабинки. Между бровями у него было аккуратное пулевое отверстие. Мгновенно испустив дух, он завалился на левый бок. Рубашка разошлась, обнажив безволосую грудь. Второй раны Бэллард не видела, но коронер, сдвинув борт рубашки затянутой в перчатку рукой, пристально что-то рассматривала.

– Рене...

Честейн заметил Бэллард, стоящую на границе первого круга.

– Кен.

– Что ты здесь делаешь?

В его тоне не было упрека, лишь удивление.

– Перехватила в больнице пятую жертву, – объяснила Бэллард. – Была там, когда ее привезли.

Честейн взглянул на свой планшет.

– Синтия Хэддел, официантка, – сказал он. – Скончалась,

не приходя в сознание.

– Верно. – Бэллард показала ему пакет с вещами Хэддел. – Это из ее шкафчика. Знаю, ты считаешь ее второстепенной жертвой, но все же...

– Да, спасибо, детектив, – оглянувшись, произнес Оливас, прежде чем Честейн успел что-то сказать.

Лейтенант подошел вплотную к Бэллард. Та, не дрогнув, смотрела ему в глаза. Впервые за два года – именно столько времени прошло с той злосчастной жалобы – Бэллард оказалась с Оливасом лицом к лицу. Глядя на его угловатую физиономию, она чувствовала гнев пополам с ужасом.

Словно понимая, что сейчас будет, Честейн попятился и нырнул в работу.

– Ну и как вам на «ночном сеансе»? – спросил Оливас.

– Нормально.

– Как поживает Женкинс?

– Дженкинс? Не жалуется.

– Вы же знаете, почему у него такое прозвище – Женкинс?

– Я...

Она не договорила. Набывчившись, Оливас придвинулся ближе – на дюйм, но Бэллард показалось, что на фут, – и тихо, чтобы слышала только она, произнес:

– «Ночной сеанс». Самое место для стервозных баб. – Он сделал шаг назад и уже нормальным голосом спросил: – Приказ ясен, детектив?

– Да, – сказала Бэллард. – Я извещу родных.

– В таком случае ступайте. Не задерживайтесь. Посторонние мне здесь не нужны. Не ровен час, что-нибудь испортите.

Бэллард заметила, что доктор Джей наблюдает за этой сценой у него из-за спины. Перехватив ее взгляд, коронер отвернулась. Бэллард посмотрела на Честейна в поисках хоть какой-нибудь поддержки, но тот был весь в делах: сидел на корточках, и рука его, облаченная в перчатку, укладывала в маленький пластиковый пакет некий предмет, похожий на черную пуговицу.

Развернувшись, Бэллард направилась к выходу. Щеки ее горели от испытанного унижения.

Дженкинс по-прежнему караулил свидетелей в соседнем дворике. Когда пришла Бэллард, он воздел руки и растопырил пальцы, словно пытаясь сдержать напирющую толпу. Какой-то вконец расстроенный хипстер говорил с ним, едва не срываясь на крик:

– Чувак, мне утром на работу! Что, будем всю ночь здесь торчать? С учетом того, что я ни хрена не видел?

– Понимаю ваши чувства, сэр. – Дженкинс, человек обычно сдержанный, тоже повысил голос на полтона или около того. – Мы возьмем у вас показания, как только представится такая возможность. Не забывайте, убиты пятеро человек.

Хипстер, разочарованно махнув рукой, вернулся на свою скамейку. Кто-то, выругавшись, завопил:

– Вы не имеете права нас здесь удерживать!

Дженкинс не ответил: по закону полиция могла держать всех посетителей клуба под стражей, пока следователи не разберутся, есть ли среди них потенциальные свидетели или подозреваемые. Основание неубедительное – ясно, что подозреваемого среди этих людей не окажется, – но вполне правомерное.

– Ты как, в норме? – спросила Бэллард.

Дженкинс развернулся – так, словно думал, что на него вот-вот накинута. Увидел Бэллард и сказал:

– Так, кое-как. Зла на этих не держу. У них впереди долгая ночь. Тюремный автобус уже в пути. Как увидят решетки на окнах, вконец ошалеют.

– Хорошо, что меня здесь не будет.

– Куда намылилась?

Бэллард показала ему пакет с вещами Синтии Хэддел.

– Нужно сгонять в больницу. Кое-что нашлось. Буду минут через двадцать. Оповестим родных, и все: можно садиться за писанину.

– Родных, говоришь? Плевое дело. Всяко лучше, чем торчать с этими обезьянами. Половина, думаю, на наркоте, и их вот-вот начнет отпускать. Когда приедут в участок, дело примет дурной оборот.

– А это уже не наша забота. Я скоро.

Бэллард решила не говорить, зачем едет в больницу, так как знала, что напарник этого не одобрит. Развернувшись, пошла к машине, но Дженкинс окликнул ее:

– Эй, коллега!

– Что?

– Можешь снять перчатки.

Он заметил, что латексные перчатки все еще на ней. Бэллард опустила взгляд на ладони – так, словно видела эти перчатки впервые в жизни.

– Точно, – кивнула она. – Как только попадет урна.

Подошла к машине и, не снимая перчаток, сложила вещи Синтии Хэддел в ту же коробку, где уже находился ее перед-

ник. Но сперва вынула из пакета телефон и сунула его в карман.

Через десять минут она была в Пресвитерианском центре, надеясь, что вся бригада коронера занята массовым убийством в «Дансерз» и тело Хэддел еще не увезли. Так и было. Из приемного покоя ее отвели в накопитель, где лежали, ожидая транспортировки к коронеру, два накрытых простынями тела. Бэллард попросила санитарку узнать, можно ли поговорить с врачом, который пытался реанимировать Хэддел.

Перчатки по-прежнему были на ней. Приподняв ближнюю простыню, Бэллард увидела лицо чрезвычайно тощего юноши: фунтов сто, не больше. Тут же вернув простыню на место, она шагнула к соседней каталке. Убедилась, что на ней лежит Хэддел, и перешла к ее правой руке. Вытащила из кармана телефон и прижала большой палец жертвы к сенсору отпечатка.

Телефон остался заблокирован. Бэллард попробовала указательный палец, и тоже безрезультатно. Обошла каталку, проверила большой палец левой руки. На сей раз телефон ожил, и Бэллард получила доступ к данным.

Для работы с экраном пришлось снять одну перчатку. На счет отпечатков Бэллард не беспокоилась. Телефон – не улика, а личная вещь. Скорее всего, дактилоскописты не станут его проверять.

У Бэллард тоже был айфон, и она знала: если бездейство-

вать, блокировка включится снова. Открыв навигатор, она просмотрела последние пункты назначения. Коснулась записи с адресом в Пасадене. Приложение проложило маршрут. Теперь телефон не выключится, даже если Бэллард, игнорируя навигатор, отправится другой дорогой. Он будет разблокирован, и Бэллард, покинув больницу, сможет ознакомиться с его содержимым. Батарея была заряжена на шестьдесят процентов: более чем достаточно, чтобы все пролистать. Бэллард отключила звук, чтобы навигатор не выражал недоумения, когда она собьется с пути в Пасадену.

Когда она накрывала тело, дверь открылась, и в накопитель заглянул врач.

– Мне передали, что вы меня ищете, – сказал он. – Что вы здесь делаете?

Бэллард вспомнила его голос. Этот человек говорил с ней в лифте, когда тело везли в операционную.

– Нужен был отпечаток пальца. – Вместо дальнейшего объяснения Бэллард показала врачу телефон. – Но я хотела уточнить кое-что еще. Видела, что вы работали с Гутьерресом – жертвой нападения с переломом черепа. Как дела у пациента?

Она решила говорить, не указывая половую принадлежность. Хирург же, напротив, отталкивался от анатомических подробностей.

– Операцию сделали, но он все еще в реанимации. Вводим его в кому, а дальше остается лишь ждать. Чем скорее спадет

опухоль, тем больше у него шансов.

– Хорошо, спасибо, – кивнула Бэллард. – Завтра справлюсь, как дела. Вы не брали мазок на предмет изнасилования?

– Детектив, наша задача – спасти пациенту жизнь, – ответил врач. – Остальное подождет.

– Не сказала бы. Но я вас понимаю.

Врач собирался было уйти, но Бэллард указала на вторую каталку и спросила:

– А с этим что? Рак?

– Да все на свете. Рак, ВИЧ, отказ всех органов.

– Почему его отправляют к коронеру?

– Самоубийство. Сам вытащил все трубки, отключился от аппаратуры. Наверное, хотят в этом удостовериться.

– Ясно.

– Мне нужно идти. – Врач скрылся за дверью.

Взглянув на каталку, Бэллард представила, как юноша, собрав в кулак остатки сил, вытаскивает трубки из своего тела, и решила, что в этом поступке есть что-то героическое.

Вернувшись в машину, она свернула окно навигатора и открыла список контактов Синтии Хэддел. Проверила номер с пометкой «Дом». Код 209 – пожалуй, родительский дом в Модесто. В списке «Избранные» было еще четыре контакта, помеченных именами без фамилий: Джилл, Кара, Леон и Джон, все с кодом Лос-Анджелеса. Бэллард решила, что этой информации хватит, чтобы связаться с родителями Хэддел,

даже если по номеру «Дом» никто не ответит.

Затем открыла приложение «СМС». Недавних бесед было две, одна из них с Карой.

Синди:

Угадай, кто только что срубил полтинник с круга мартини?

Кара:

Умничка.

Хэддел ответила довольным смайликом. Предыдущая беседа начиналась с вопроса, и этого номера не было в списке «Избранные».

ДП:

У тебя всего хватает?

Синди:

Пожалуй, да. Может, завтра?

ДП:

Держи меня в курсе.

Других сообщений в беседе не было: или новый знакомый, или предыдущие сообщения удалены. В приложении было еще несколько бесед, но все закончились до того, как началась последняя смена Хэддел. Бэллард решила, что Кара, скорее всего, была ее лучшей подругой, а ДП – поставщиком наркотиков. Открыла электронную почту: по большей части спам и общие уведомления. Очевидно, Хэддел не бы-

ла поклонницей эпистолярного жанра. В ленте «Твиттера» тоже не обнаружилось ничего неожиданного. Хэддел была подписана на множество артистов, в основном музыкантов, канал полиции Лос-Анджелеса с сообщениями о преступлениях, официальную страничку «Дансерз» и аккаунт Берни Сандерса, бывшего кандидата в президенты США.

Наконец Бэллард открыла галерею фотографий. Там было 662 снимка. Пролистав недавние фото, Бэллард увидела Хэддел на вечеринках с друзьями, в тренажерном зале, на пляже и в компании съемочной группы, когда девушке удалось найти роль в кино.

Зазвонил ее собственный телефон. На экране появилось фото Дженкинса. Бэллард начала разговор с вопроса:

- Что там с автобусом?
- Только что уехал. Забери меня отсюда.
- Уже еду.

Вновь открыв окно навигатора, чтобы телефон не ушел в блокировку, Бэллард направилась в сторону «Дансерз». Забрала Дженкинса, и они выехали к Ла-Бреа – по адресу, указанному на водительских правах Синтии Хэддел. Первый этап оповещения – проверка жилья: нет ли там мужа или другой родни.

Многоквартирный дом в полквартала к северу от Мелроуз был построен совсем недавно. Вокруг полно магазинов и кафе, популярных среди молодежи. На первом этаже – две забегаловки: лапшичная и «собери себе пиццу». Между ни-

ми – вход в само здание.

Судя по информации на правах, Хэддел жила в квартире 4-Б. Открыв дверь подъезда одним из найденных в шкафчике ключей, Бэллард вошла в фойе и направилась к лифту. Они с Дженкинсом поднялись на четвертый этаж, прошагали по ведущему вглубь здания коридору и остановились у двери с табличкой «4-Б».

Бэллард постучала, но никто не открыл. Это не значило, что в квартире нет других жильцов: по опыту Бэллард знала, что там может оказаться спящий человек. Она отомкнула дверь с помощью второго ключа. По закону нужно было сперва получить ордер на обыск, но обоим детективам было известно: если позже возникнут проблемы, можно сослаться на срочные обстоятельства – пять трупов, ни мотива, ни подозреваемого. Необходимо проверить, все ли в порядке с возможными сожителями жертвы, какой бы второстепенной она ни была.

– Полиция Лос-Анджелеса! Есть кто дома? – крикнула Бэллард, переступив порог.

– Полиция! – добавил Дженкинс. – Мы заходим!

Бэллард держала руку на кобуре, но пистолет вынимать не стала. В короткой прихожей была дверь в гостиную, там горел свет. Заглянув в узкую длинную кухню, Бэллард прошла к следующему коридору, ведущему дальше в квартиру: к ванной и единственной спальне. Обе двери были открыты. Щелкнув выключателями, Бэллард обвела помещения взгля-

дом.

– Все чисто! – крикнула она, убедившись, что в квартире никого нет, после чего вернулась в гостиную, где ее ждал Дженкинс.

– Похоже, она жила одна.

– Угу, – кивнул Дженкинс. – И нам от этого никакой пользы.

Бэллард окинула взглядом маленькую комнату, уделяя особое внимание личным деталям: безделушкам, фотографиям на полках, пачке счетов на журнальном столике.

– Неплохая квартирка для официантки, – заметил Дженкинс. – Этому зданию и года нет.

– В клубе она толкала дурь, – сказала Бэллард. – В шкафчике был запас таблеток. Может, и здесь найдется.

– Это многое объясняет.

– Прости, забыла рассказать.

Бэллард прошла на кухню. Холодильник был увешан фотографиями, по большей части с дружеских вечеринок, как и в телефоне Синтии. Несколько снимков было сделано во время поездки на Гавайские острова: Хэддел на тренировочной доске для серфинга и на лошади в кратере вулкана. На заднем плане Бэллард узнала очертания Халеакалы: значит, дело было на острове Мауи. В детстве она провела там много лет, ежедневно видела этот вулкан на горизонте и привыкла к нему так же, как жители Лос-Анджелеса к неровной надписи «Голливуд».

Из-под новых фотографий выглядывала старая, с женщиной пятидесяти лет. У нее был такой же подбородок, как у Хэддел. Бэллард осторожно сняла карточку с холодильника. На фото была Синтия Хэддел, а по обеим сторонам от нее – мужчина и женщина. Все сидели за столом: должно быть, в День благодарения, ибо на скатерти стояло блюдо с индейкой. Судя по очевидному сходству, мужчина и женщина были родителями Хэддел.

Дженкинс вошел в кухню и взглянул на фото в руке Бэллард.

– Хочешь сделать все прямо сейчас? – спросил он. – Сбросить камень с души?

– Почему бы и нет?

– И каким образом?

– Просто возьму и сделаю.

Дженкинс имел в виду, что у Бэллард есть выбор. Узнавать о смерти близкого человека по телефону очень непросто. Бэллард могла позвонить в Управление полиции Модесто и попросить, чтобы родственников уведомили лично. Но в таком случае она потеряла бы возможность узнать что-нибудь новое о жертве и возможных подозреваемых. За годы службы во время извещения родных она не раз выясняла важные для следствия подробности. В случае с Синтией Хэддел такое было маловероятно: вряд ли она была истинной целью стрелка и причиной массового убийства. Как сказал Оливас, сопутствующая жертва, запасной игрок. Поэто-

му Дженкинс и задал свой вопрос, но Бэллард знала: если она не позвонит родителям Хэддел, позже ее замучают угрызения совести. Ей будет казаться, что она уклонилась от долга, священного для всех детективов ОРОУ.

Бэллард вытащила из кармана телефон Хэддел. Благодаря навигатору тот оставался включен. Открыв список контактов, она нашла номер со словом «Дом» и набрала его на своем телефоне. Автоответчик сообщил: «Вы позвонили в дом семейства Хэддел». Представившись, Бэллард оставила просьбу срочно ей перезвонить.

В том, что люди посреди ночи не желают отвечать на звонок с неизвестного номера, нет ничего необычного, но Бэллард надеялась, что ее сообщение возымеет нужный эффект. Ожидая звонка, она подошла к холодильнику и снова взглянула на фотографии. Подумала о том, как выросшая в Модесто Синтия перебралась на юг – в город, где роли с частичной наготой вполне приемлемы, а продажа наркоты голливудской публике дает неплохую прибавку к зарплате.

Прошло пять минут, но никто так и не позвонил. Дженкинс гарцевал по гостинной. Бэллард видела, что он хочет побыстрее отсюда убраться.

– Может, наберешь тамошним копам? – спросил он.

– Нет. Тогда убьем на это всю ночь, – сказала Бэллард.

И тут затарахтел телефон, но не ее, а Синтии: входящий звонок с номера, помеченного словом «Дом». Бэллард поняла, что родители только что прослушали ее сообщение и ре-

шили сперва связаться с дочерью: узнать, все ли у нее в порядке.

– Это они, – сказала она Дженкинсу и ответила на звонок.

– Детектив Бэллард, Управление полиции Лос-Анджелеса. С кем я говорю?

– Нет, я звонила Синди. – Женский голос уже дрожал от страха и отчаяния. – Что там у вас происходит?

– Миссис Хэддел?

– Да. Кто это? Где Синди?

– Миссис Хэддел, ваш муж рядом?

– Просто скажите, с ней все в порядке?

Бэллард взглянула на Дженкинса. Она терпеть не могла подобные разговоры.

– Миссис Хэддел, мне очень жаль, но ваша дочь погибла. Ее застрелили в Лос-Анджелесе, в клубе, где она работала.

В динамике раздался громкий крик, затем второй, а после него – звук, с которым телефонные трубки падают на пол.

– Миссис Хэддел?

Прикрыв микрофон ладонью, Бэллард повернулась к Дженкинсу:

– Звони в Модесто. Узнай, могут ли они кого-нибудь при-слать.

– Куда? – спросил Дженкинс.

И тут до Бэллард дошло: ей известен телефон родителей Хэддел, но не их адрес. На линии раздавались приглушенные стоны и всхлипывания, – очевидно, трубка все еще лежала

на полу где-то в Модесто.

Вдруг в динамике раздался неприветливый мужской голос:

– Кто это?

– Мистер Хэддел? Я детектив полиции Лос-Анджелеса. Ваша супруга в норме?

– Ничего подобного. Что происходит?! Откуда у вас мобильник нашей дочери? Что случилось?

– Ее застрелили, мистер Хэддел. Простите, что сообщаю по телефону. Синтию убили в клубе, где она работала. Я звоню, чтобы...

– О господи... Господи боже мой! Это что, розыгрыш? Нельзя так пугать людей, слышите?!

– Это не розыгрыш, сэр. Мне очень жаль. В клубе началась стрельба, одна из пуль попала в вашу дочь. Она держалась молодцом. Ее отвезли в больницу, но спасти не смогли. Примите мои соболезнования.

Отец не отвечал. Услышав, что плач матери стал громче, Бэллард поняла: муж склонился к жене, не выпуская трубки из рук. Теперь они были вместе. Взглянув на фото в руке, Бэллард представила, как они сжимают друг друга в объятиях, услышав самые страшные новости, которые только могут услышать родители. Она задумалась, стоит ли продолжать разговор прямо сейчас. Стоит ли добавлять отцу горя, стоит ли приставать с вопросами, которые могут оказаться бесполезными для дела?

И тут раздался голос отца:

– Все из-за этой сволочи, ее бойфренда. Это его нужно было убить. Это он устроил ее на работу в тот клуб.

Бэллард приняла решение.

– Мистер Хэддел, мне нужно задать вам несколько вопросов. Не исключено, что ваши ответы помогут следствию.

Вернувшись в Голливудский участок, они распределили бумажную работу. Дженкинс взял себе дело Лантаны, с которого началась смена, а Бэллард согласилась написать рапорты по Рамоне Рамон и Синтии Хэддел. Разделили не поровну, зато на рассвете Дженкинс гарантированно уйдет с работы и будет дома к тому моменту, когда проснется его жена.

Работа все еще называлась бумажной, хотя выполнялась на компьютере. Бэллард решила начать с дела Хэддел, чтобы закончить рапорт, прежде чем о нем спросит Оливас. К тому же ей хотелось придержать дело Рамоны для себя, и чем дольше тянуть резину, тем больше шансов, что ее желание осуществится.

Собственных столов в детективном отделе им не полагалось, но по ночам в огромном зале было безлюдно, так что и у Бэллард, и у Дженкинса были излюбленные места для работы. Выбор был в первую очередь продиктован удобством стульев и степенью износа экранов мониторов. Бэллард предпочитала стол в секции автокраж и угонов, а Дженкинс садился в другом конце зала, в секции преступлений против личности. Детектив, работавший за этим столом в дневную смену, поставил себе особый стул, купленный в магазине «Расслабьте спину». Дженкинс очень ценил этот стул. Тот был пристегнут к столу длинным противоугонным тросом для

велосипеда, так что Дженкинс не мог переставить его на другое место.

Составление рапортов давалось Бэллард без труда: в прошлом она окончила факультет журналистики Гавайского университета. Репортером пробыла недолго, но опыт написания статей и университетская подготовка оказались неоценимым подспорьем в бумажной работе. Бэллард не страшилась поджимающих сроков и могла составить план рапорта о преступлении или жертве еще до того, как садилась за клавиатуру. Ее короткие и четкие фразы оживляли любой документ. Еще этот навык был полезен, когда Бэллард вызывали в суд для дачи показаний. Она была искусной рассказчицей, и присяжным это нравилось.

Именно в зале суда жизнь Бэллард переменялась самым поразительным образом. Произошло это пятнадцать лет назад. Окончив университет, Бэллард заняла место в ряду криминальных репортеров газеты «Лос-Анджелес таймс». К ее должности полагался уютный кабинет в здании суда Ван-Найса. Там Бэллард занималась освещением уголовных дел и работы шести полицейских дивизионов, отвечающих за север Лос-Анджелеса. Одно дело заинтересовало ее больше других: убийство четырнадцатилетней девочки, сбежавшей от родителей. Однажды ночью ее похитили с Венис-Бич, отвезли в ван-найсский наркопритон, несколько дней насиловали, а потом задушили и выбросили в мусоровоз на стройке.

Полиция задержала подозреваемых, и двое мужчин предстали перед судом по обвинению в убийстве. Бэллард освещала предварительное слушание дела. Во время дачи показаний по следствию ведущий детектив перечислил все пытки и унижения, которым жертва была подвергнута перед тем, как ее наконец убили. В итоге он расплакался прямо на трибуне. Не напоказ. В зале не было присяжных – лишь судья, который должен был решить, давать ли делу ход. Детектив заливался слезами, и в этот момент Бэллард поняла, что отныне не сможет ограничиться одним лишь написанием статей. На следующий день она подала заявление в полицейскую академию Лос-Анджелеса. Решила стать детективом.

Когда она начала работать над первым рапортом, было двадцать восемь минут пятого. Хотя коронерская служба обязана будет провести формальное опознание Синтии Хэддел, сомнений в личности погибшей почти не было. Бэллард занесла в файлы ее имя и адрес на Ла-Бреа. Сперва составила рапорт о смерти: жертва скончалась от раны, полученной в результате пистолетного выстрела, подробности такие-то и такие-то. Затем описала хронологию событий, перечислив их с Дженкинсом действия начиная с того момента, как звонок лейтенанта Манро застал обоих в Голливудском пресвитерианском центре.

Покончив с хронологией, Бэллард воспользовалась ею в качестве шаблона для рапорта от первого лица: подробного описания их с Дженкинсом ночных приключений, отно-

сящихся к делу Хэддел. Потом настало время перечислить предметы, обнаруженные на теле жертвы и в ее шкафчике.

Прежде чем начать, Бэллард все пересчитала, после чего позвонила в лабораторию судебной экспертизы.

Дежурного звали Уинчестер.

– Я насчет четырех трупов в Голливуде. Улики уже оформляют? – спросила Бэллард. – Мне нужен ПН.

Каждому оформленному предмету полагался ПН – собственный порядковый номер.

– Там сам черт ногу сломит, – ответил Уинчестер. – Ребята все еще на месте. Будут собирать улики до самого утра, а то еще и днем. Думаю, начнут оформлять не раньше полудня. Кстати, их пять. В смысле, трупов.

– Знаю. Ну ладно, сама справлюсь. Спасибо, Уинчестер.

Поднявшись с места, она подошла к Дженкинсу.

– Пойду возьму номера из реестра. Тебе надо?

– Да, один.

– Сейчас принесу.

Бэллард вышла в задний коридор и направилась к складу вещественных доказательств. Она знала, что дежурного там не будет: по ночам склад пустовал, как и детективный отдел. Но на столе у входа всегда лежал журнал с актуальным перечнем порядковых номеров для оформления улик и личных вещей. Каждый предмет отправлялся в отдел криминалистики, и там уже решали, считать его уликой или нет. Поскольку лаборатория пока что не могла предоставить по-

рядковые номера для дела «Дансерз», все предметы, собранные Дженкинсом и Бэллард, будут записаны под номерами Голливудского дивизиона, а потом криминалисты разберутся, что к чему.

Схватив со стола листок линованной бумаги, Бэллард выписала из журнала восемь номеров: семь для себя и один для Дженкинса. Каждый номер начинался с текущего года и двух цифр: «06» – код Голливудского дивизиона. Возвращаясь в детективный отдел, Бэллард услышала, как в другом конце пустого коридора, в кабинете начальника смены, раздался смех. Смеялись несколько человек: некоторые сдавленно фыркали, а один заразительно хохотал. Узнав смех лейтенанта Манро, Бэллард улыбнулась себе под нос. С чувством юмора у копов все в порядке. Полицейские всегда найдут над чем поржать – даже посреди смены в ночь массового убийства.

Бэллард выдала Дженкинсу ПН, но не стала спрашивать, далеко ли он продвинулся. Дженкинс набирал текст двумя пальцами и все еще возился с рапортом о происшествии. Смотреть, как он страдает над клавиатурой, было невыносимо. Обычно Бэллард вызывалась делать всю бумажную работу, чтобы не дожидаться, пока Дженкинс закончит печатать.

Вернувшись к своему – вернее, чужому – столу, Бэллард надела перчатки и приступила к делу. На все про все ушло полчаса: на содержимое шкафчика, ключ, снятый с шеи Хэддел, и деньги, обнаруженные в кошельке и переднике, –

их нужно было пересчитать, чтобы записать точную сумму. Чтобы в будущем не возникло вопросов, Бэллард подозвала Дженкинса, и тот засвидетельствовал пересчет купюр. После этого она все запечатала и сфотографировала на камеру мобильного.

Сложив пластиковые пакеты в коричневый бумажный мешок, Бэллард пометила его соответствующим номером и заклеила красным скотчем. Затем отнесла его на склад вещественных доказательств и убрала в шкафчик. Позже его заберет кто-нибудь из отдела ограблений и убийств или курьер отнесет мешок в лабораторию, где его содержимым займутся криминалисты.

Вернувшись в свой отдел, Бэллард бросила взгляд на часы над телеэкранами. Одиннадцать минут седьмого. Смена заканчивалась в семь, а на сверхурочные рассчитывать не стоило. Была середина месяца, и деньги на оплату переработки, скорее всего, уже закончились. К тому же Бэллард не хотелось задерживаться. Она планировала отложить дело Рамоны Рамон до следующей смены.

Нужно было закончить с делом Хэддел: написать о беседе с родителями и другими официантками. Так что до конца смены было чем заняться. Вернувшись к компьютеру, Бэллард открыла новый файл и собиралась приступить к описанию разговора с Нельсоном Хэдделом, когда завибрировал телефон. Звонил лейтенант Манро.

– Лейтенант?

– Бэллард, ты где?

– В сыскном. Пишу рапорты. Кстати, недавно слышала смех у вас в кабинете.

– Ага, мы тут славно веселимся. В общем, есть одно дело. Нужно взять показания.

– У кого? Я пока не закончила. А еще рапорт по Рамоне Рамон, к нему я даже не притронулась.

– Только что явился один парень. Говорит, был в клубе, когда началась стрельба. И у него есть фотографии.

– Точно? Там же нельзя фотографировать.

– Он тайком сделал пару селфи.

– Снимки толковые?

– Темные, но что-то на них есть. Похоже на вспышку от выстрела. Надеюсь, в лаборатории смогут увеличить четкость. Возьми парня и выясни, что у него имеется и что ему известно. Он сидит в приемной. Хватай его за жабры, пока ему не надоело ждать.

– Уже иду. Слушайте, лейтенант, смена заканчивается через час. Как насчет «зеленки»? Я даже не начинала второй рапорт, а теперь еще и этот свидетель...

Бэллард имела в виду зеленую карточку для выплаты сверхурочных, на которой должен расписаться начальник смены.

– Получишь один час, и не больше, – сказал Манро. – Я же не могу выгрести всю кассу за одну ночь. За это время допросишь парня и закончишь рапорт по стрельбе. Нападе-

ние отложи на потом, если жертва еще дрыгается. Если уже нет, отложить не получится.

– Ей сделали операцию. Больше ничего не знаю.

– Короче, займись этим парнем. Сними груз с плеч моих.

– Так точно.

Бэллард закончила разговор. Хорошо, что в конце смены не придется передавать дело Рамоны Рамон в отдел преступлений против личности. Это будет поважнее денег за переработку. Путь в приемную лежал мимо стола, за которым сидел Дженкинс. Тот по-прежнему набирал текст двумя пальцами. Бэллард рассказала ему про свидетеля и добавила, что им выделили час сверхурочных.

– Нет уж, спасибо, – сказал Дженкинс, – мне нужно домой.

Свидетелем оказался некий Зандр Спейтс, тощий двадцатитрехлетний клаббер в серых тренировочных брюках и темно-синей толстовке с капюшоном. Бэллард отвела его в детективное бюро и проводила в крошечную комнату для допросов. Спейтс уселся, не вынимая рук из карманов толстовки.

– Зандр... Это ваше настоящее имя? – начала Бэллард.

– Уменьшительное от Александр, – ответил Спейтс. – Мне так больше нравится.

– Ладно. Где вы работаете, Зандр?

– То тут, то там. В данный момент продаю обувь.

– Где?

– На Мелроуз, в бутике «Слик кикс».

Бэллард не делала пометок. На входе в комнату она повернула регулятор термостата, тем самым включив оборудование для аудио- и видеозаписи.

– Значит, сегодня ночью, когда началась стрельба, вы были в «Дансерз»? – спросила она.

– Верно, – кивнул Спейтс, – был.

– Сами по себе?

– Нет, с приятелем. Его зовут Метро.

– Как его настоящее имя?

– Честно говоря, не знаю. Метро, и все.

– Где вы с ним познакомились?

– Он работает в «Кикс». Там и познакомились.

– Когда вы пришли в клуб?

– Вчера, чуть раньше полуночи.

– Стрелявшего видели?

– Нет, все случилось у меня за спиной. Через две кабинки от того места, где я сидел. Но когда началась стрельба, я делал селфи и снял первый выстрел, прикиньте? С ума сойти!

– Покажите.

Спейтс вынул айфон из кармана толстовки и открыл галерею.

– Там три штуки в разделе «Живые фото», – сказал он. – Пролистайте.

Положив телефон на стол, Спейтс подтолкнул его к Бэллард. Она взглянула на фото на экране. На переднем плане, в центре, был сам Спейтс, а за его правым плечом – темные очертания других кабинок с людьми. Рассмотреть лица было невозможно. Оставалось надеяться, что специалисты видеотерминала лаборатории сумеют улучшить картинку.

– Вы листайте, – напомнил Спейтс. – Там есть снимок с выстрелом.

Второе фото походило на первое, но третье оказалось гораздо интереснее. Камера запечатлела вспышку в кабине за плечом у Спейтса. На фото и впрямь было самое начало стрельбы, вспышка выстрела. У камеры имелась функция «Живые фото», – следовательно, в телефоне была запись це-

лой секунды, предшествующей кадру. Бэллард просмотрела ее несколько раз: убийца поднимал руку, а затем нажимал на спусковой крючок.

Увеличив фото, Бэллард сдвинула его так, чтобы вспышка оказалась в центре экрана. Изображение получилось смазанное, но видно было, что стрелок сидит спиной к камере. Бэллард различила нечеткие контуры его затылка и правого плеча. Правая рука была поднята, а пистолет направлен на человека, который через мгновение завалится налево, свесившись в проход между кабинками. Лицо жертвы было размыто: должно быть, увидев пистолет, мужчина отпрянул.

– Говорю вам, картинку смогут улучшить, – сказал Спейтс. – Мне, наверно, полагается вознаграждение?

Бэллард взглянула на него поверх телефона. Теперь ясно, зачем он явился в участок.

– Вознаграждение? – переспросила она.

– Ну да, за помощь в раскрытии дела, – сказал Спейтс.

– Мне ничего не известно ни о каком вознаграждении.

– Ну, должно же оно быть. Ведь я подвергался опасности.

– С этим разберемся позже. Расскажите, что происходило, когда началась стрельба. Что вы сделали?

– Мы с Метро спрятались под стол, – сказал Спейтс. – Убийца пробежал мимо нас, застрелил еще каких-то людей. Мы подождали, пока он не скроется, и свалили оттуда к чертям собачьим.

Отправив фото со вспышкой на свой телефон, Бэллард

спросила:

– Мистер Спейтс, вам известно, где живет Метро?

– Не-а, не знаю, – ответил Спейтс. – Мы первый раз затушили. Оба приехали на своих тачках.

– Хорошо. При необходимости найдем его в «Слик кикс».

– Да, там и найдете.

– И нам на какое-то время понадобится ваш телефон.

Простите.

– Э... на кой хрен? Вы же переправили фото себе. Теперь оно у вас.

Он указал на свой мобильник.

– Понимаю, – сказала Бэллард, – но у вашей камеры есть функция «Живые фото». Возможно, в лаборатории эти снимки смогут разобрать на отдельные кадры. По-моему, перед выстрелом пистолет виден четче, – должно быть, дело в отдаче. Эта информация может оказаться весьма полезной, и в лаборатории понадобится не только фото, но и камера, с помощью которой его сделали. В общем, специалистам нужно будет взглянуть на ваш телефон.

Спейтс выругался.

– И надолго вы его заберете?

– Точно сказать не могу. Надеюсь, что не больше чем на несколько дней.

Бэллард прекрасно знала, что это ложь. Скорее всего, телефон так и не вернется к владельцу. Его изымут в качестве вещественного доказательства. Но пусть это объясняет кто-

нибудь из отдела по расследованию ограблений и убийств.

– И чем я буду пользоваться эти несколько дней? – осведомился Спейтс.

– Может, одолжите у кого-нибудь. Или купите одноразовый, – предложила Бэллард.

Спейтс снова выругался.

– Побудьте здесь. Я подготовлю квитанцию на ваш телефон.

– Проклятье! Лучше бы денег дали.

Бэллард встала:

– Я все выясню. Сейчас распечатаю квитанцию и вернусь.

Забрав телефон, Бэллард вышла из комнаты и направилась к Дженкинсу. Тот все еще стучал по клавиатуре.

Бэллард поднесла телефон к его лицу и, коснувшись экрана, запустила секундное видео.

– Чтоб меня! – буркнул Дженкинс.

– Угу, – кивнула Бэллард. – Снимок из разряда «один на миллион».

– Кого-нибудь видно?

– Стрелка – нет. Он сидит спиной к камере. Но в лаборатории могут идентифицировать пистолет.

– Круто! Оливасу сообщила?

– Сейчас сообщу.

Вернувшись к столу, Бэллард поняла, что рация осталась в машине, а нужного контакта у нее нет: когда звонил Оливас, номер высветился как неопределенный. Да, можно от-

править электронное письмо, но когда еще он его прочтет? Пролистав контакты, Бэллард нашла номер Кена Честейна. Она не стала удалять его даже после предательства, за которым последовал ее перевод из ОРОУ. Бэллард отправила Честейну эсэмэску:

Скажи Оливасу: в «шестом» объявился свидетель из соседней кабинки. У него в телефоне снимок выстрела. Не исключено, что в лаборатории сумеют улучшить резкость.

Отправив сообщение, она распечатала квитанцию для Спейтса. Выхватила ее из принтера и отправилась в комнату отдыха, чтобы сварить кофе. Ночью Бэллард позволяла себе выпить одну чашку, и теперь было самое время это сделать: кофе поможет ей закрыть смену, а потом провести час на доске в заливе. После этого Бэллард ляжет спать, будет восстанавливать силы. По пути она окликнула Дженкинса, но тот сказал, что обойдется без кофеина.

Когда она ставила капсулу в кофемашину, тренькнул телефон. Пришло сообщение от Честейна:

Кто это?

Выходит, Честейн стер ее номер. В ответ Бэллард отправила свой старый позывной ОРОУ – *Дамкаб5* – и фотографию вспышки. Если у Честейна айфон новой модели, он сможет прокрутить секундное видео и поймет всю его ценность.

Когда она вернулась к рабочему месту, снова зазвонил те-

лефон. Номер неопределен. Бэллард подумала, что ей звонит Честейн, но услышала голос Оливаса:

– Детектив, свидетель еще там?

– Да, в комнате для допросов. Наверное, думает, где меня носит вот уже двадцать минут.

– Пускай посидит. Честейн уже в пути. Будет через пять минут. Другие фотографии есть?

– Вроде той, что я отправила Честейну? Нет.

– Телефон у вас?

– У меня на столе. Собиралась отнести парню квитанцию на подпись.

– Хорошо. Честейн его заберет.

– Ясно.

– Рапорты готовы, детектив?

– Почти. С вещами жертвы я разобралась. Осталось записать пару разговоров.

– Закончить и сдать, детектив.

И Оливас снова отключился, прежде чем Бэллард успела ответить. Подняв глаза, она увидела, что рядом фланирует Дженкинс.

– Ну, что творится?

– Сюда едет Честейн – забрать телефон и поговорить со свидетелем. Мы по-прежнему не в деле.

– Вот и славно. Я почти закончил с Лантаной. – Развернувшись, он направился в свой угол зала.

– Неужели тебе не хочется довести какое-нибудь дело до

конца? – спросила Бэллард.

– Уже нет, – не оглядываясь, ответил Дженкинс.

Бэллард услышала стук: обнаружив, что его заперли, Зандр Спейтс начал колотить в дверь. Забрав квитанцию, Бэллард подошла к комнате.

– Что за хрень?! – ругнулся Спейтс. – Я что, арестован? Зачем вы меня заперли?

– Вы не арестованы, мистер Спейтс. Таковы правила департамента. Нельзя допускать, чтобы по участку расхаживали гражданские лица.

– Ну и что происходит? Где мой телефон?

– Ваш телефон у меня. Сейчас с вами побеседует еще один детектив. Он ведет это дело и считает, что вы можете оказаться чрезвычайно важным свидетелем. Кстати, спросите его о вознаграждении. Уверена, он сможет вам помочь.

– Что, правда?

– Да, чистая правда. Поэтому вернитесь в комнату и успокойтесь. Вот вам квитанция. Одну копию подпишите, вторую оставьте себе. Через несколько минут к вам придет детектив Честейн.

Бэллард указала на стул, стоявший у стола. Спейтс отошел от двери и плюхнулся на него. Бэллард протянула ему ручку, и он подписал квитанцию. Забрав экземпляр с подписью, Бэллард вышла, закрыла дверь и снова заперла ее на ключ.

Пятью минутами позже из глубин здания появился Честейн и сразу подошел к столу Бэллард.

– Где свидетель?

– В комнате номер два. Его зовут Зандр Спейтс. Вот его телефон.

Бэллард уже убрала айфон в прозрачный пластиковый пакет. Протянула его Честейну.

– Хорошо. – Он забрал телефон. – Я им займусь.

– Удачи.

Честейн хотел было уйти в комнату для допросов, но Бэллард его остановила:

– Да, и еще я оформила вещи официантки, если они тебе вдруг понадобятся. Я говорила с ее родителями. Отец сказал, ее парень барыжит наркотиками. Он и заставил ее торговать в клубе.

– Интересно, – кивнул Честейн. – Но вряд ли имеет отношение к делу.

– Вряд ли, – согласилась Бэллард. – В общем, все на складе вещдоков. Если не забереешь сам, в следующий раз пришлют с курьером.

Честейн развернулся на сто восемьдесят градусов. Шагнул в сторону комнаты для допросов и снова повернулся к Бэллард:

– Как там Лола?

– Нормально.

– Хорошо.

Честейн замолчал, но не двинулся с места. Наконец Бэллард подняла взгляд и спросила:

– Что-то еще?

– Ну, как бы да, – произнес Честейн. – Знаешь, Рене, мне жаль, что в тот раз все так вышло...

Какое-то время Бэллард смотрела на него. Потом произнесла:

– Надо же, прошло всего лишь два года, а ты уже извиняешься.

– Ну да. – Он пожал плечами. – Типа того.

– Что, совсем забыл свои тогдашние слова?

– Ты о чем?

– О том, как ты велел мне отозвать жалобу. О том, как говорил, что у Оливаса трудный развод и жена отсудит у него половину денег, что он оступился, и прочую хрень – как будто это оправдывало его поступок.

– Не понимаю, какое отношение...

– Кенни, ты даже стер мой номер. Умыл руки, от всего открестился. Ничего тебе не жаль. Тогда ты засек возможность и не преминул ею воспользоваться. Для этого пришлось «толкнуть меня под автобус», и ты без колебаний это сделал.

– Ты не права.

– Нет, права. В лучшем случае тебя гложет чувство вины. Бэллард встала, чтобы быть с Честейном на равных.

– Интересно, с какого только перепугу я решила, что ты прикроешь напарницу? Я сдуру тебе доверилась, и вот, пожалуйста, – смотри, что со мной стало. Но знаешь что? Луч-

ше работать с Дженкинсом на «ночном сеансе», чем с тобой в ОРОУ. Хотя бы ясно, чего ожидать.

Какое-то время Честейн смотрел на нее, и щеки его розовели. Бэллард вспомнила: это верный знак, что его проняло. Выходит, ей удалось до него достучаться. Честейн неловко улыбнулся, провел ладонью по губам. Да, ее слова ударили в больное место.

– Ну что ж, – наконец проговорил Честейн, – спасибо за свидетеля. – И снова повернулся к комнате для допросов.

– Всегда пожалуйста! – крикнула Бэллард ему в спину.

Она схватила пустую кофейную кружку и направилась к выходу из зала. Меньше всего ей хотелось находиться в одном помещении с Честейном.

Из-за задержки со свидетелем Бэллард попала в утренний час пик. Армия трудяг из сферы обслуживания продвигалась с востока на запад, к своим рабочим местам с минимальной – или даже ниже – зарплатой: в гостиницах, ресторанах и домах тех районов, где жить им не по карману. На дорогу до Венис-Бич ушел почти час. По пути Бэллард забрала Лолу из передержки, и они отправились на пляж.

У этого долгого и утомительного путешествия были свои плюсы. Добравшись до места, Бэллард увидела, что туман уже рассеялся, а вода в заливе была кобальтово-синей и гладкой как стекло. Остановившись на парковке к северу от променада, Бэллард подошла к дверцам фургона. Выпустила Лолу, взяла теннисный мячик из корзины у колесной арки, бросила его на другой конец пустой парковки. Собака рванула следом. Через три секунды схватила мячик и послушно принесла его назад. Бэллард бросила мячик еще несколько раз, после чего положила его назад в корзину. Не наигравшись, собака заскулила.

– Поиграем позже, – пообещала Бэллард.

Ей хотелось выйти на воду, прежде чем поднимется ветер.

Свой белый «форд транзит коннект» Бэллард купила у мойщика окон: тот сворачивал дела, решив уйти на покой. Пробег у фургона был приличный, восемьдесят тысяч миль,

но прежний хозяин поддерживал машину в неплохом состоянии. Багажник для транспортировки лестницы сгодился, чтобы возить на нем доску для серфинга. Как и в их с Дженкинсом служебном автомобиле, внутренний кузов фургона был разделен на отсеки с помощью картонных коробок.

Перед выходом из Голливудского участка Бэллард переоделась в закрытый купальник, выцветшие джинсы и красную толстовку с капюшоном. Рабочий костюм оставила в шкафчике. Теперь же, раздевшись до купальника, она сложила остальную одежду в рюкзак, в котором уже была смена белья, носки и кроссовки «Нью Бэланс». К стенке фургона была прикреплена вешалка. Сняв с нее легкий гидрокостюм, Бэллард натянула его поверх купальника и застегнула молнию на спине с помощью короткого тросика с петлей на конце. В одной из коробок лежало большое пляжное полотенце. Оно тоже отправилось в рюкзак. Бэллард прицепила к рюкзаку чехол с палаткой и накинула лямки на оба плеча.

Наконец она взяла из сумки-холодильника энергетический батончик – мультизлаковый с шоколадом – и была полностью готова. Закрыла и заперла фургон, сняла с багажника восьмифутовую доску фирмы «Уан уорлд» с прикрепленным к ней веслом. Задача не из легких: главное – не стукнуть хвостовым плавником об асфальт. Просунув пальцы правой руки в центральное отверстие для захвата, Бэллард взяла доску под мышку. Левая рука была занята батончиком. Перекусывая на ходу, Бэллард направилась к воде. Шла она босиком,

поэтому ступала осторожно. Следом послушно трусила Лола. Асфальт закончился, начался песок.

Бэллард установила палатку в двадцати пяти ярдах от кромки воды: дело пяти минут, простое и привычное. Поставив внутрь рюкзак, чтобы палатку не сдуло ветром, Бэллард закрыла входное отверстие на молнию. Ключ от фургона она закопала в песке у правого переднего угла палатки, после чего указала на это место пальцем. Собака подошла и села, где было велено.

– Охраняй, – сказала Бэллард.

Лола опустила и подняла голову: вроде как кивнула. Бэллард вновь подхватила тридцатифунтовую доску и отнесла ее к воде. Надела страховочный ремешок на правую лодыжку, закрепила его липучкой велкро и подтолкнула доску вперед.

Бэллард весила немного, всего лишь сто двадцать пять фунтов, и поэтому могла встать на доску, не нарушив равновесия. Она четырежды взмахнула веслом, чтобы одолеть прибой, и доска наконец заскользила по водной глади сквозь остатки утреннего тумана. Бэллард оглянулась на собаку, хоть и знала, что в этом нет необходимости. Лола сидела в карауле у правого переднего угла палатки и будет нести службу, пока хозяйка не вернется.

Бэллард увлеклась паддлбордингом вскоре после перевода на «ночной сеанс». Все детство она занималась серфингом на западных пляжах Мауи между Вайлеа и Лахайной. Отец возил ее на Фиджи, в Австралию... да куда только не

возил. Но Бэллард забросила серфинг, когда перебралась в Лос-Анджелес и поступила на службу в полицию. Однажды ночью они с Дженкинсом выехали на кражу со взломом. Вызов поступил с одной из «птичьих улиц» на холмах у До-эни-драйв. Семейная пара, отужинав в ресторане «Спаго», вернулась в свой дом стоимостью пять миллионов долларов и обнаружила, что входная дверь приоткрыта, а в жилище побывали воры. Сперва на место прибыли патрульные, а после них – Бэллард с Дженкинсом, ибо начальник полицейского участка, присвоив потерпевшим статус ОВ – особо важных, тут же отправил к ним и детективов, и криминалистов.

Вскоре после прибытия Дженкинс с бригадой техников занялся осмотром точки проникновения, а Бэллард в компании хозяйки дома отправилась в путешествие по комнатам, чтобы определить, что именно украли. Наконец они добрались до главной спальни, а оттуда прошли в огромную гардеробную, скрытую за зеркальными дверьми от пола до потолка. Когда патрульные производили первый осмотр, это помещение осталось незамеченным. На полу гардеробной лежала меховая шуба, а в центре ее, на шелковой подкладке – груда драгоценностей и три пары туфель с высоким каблуком и красными подошвами. Бэллард было известно, что такая обувь стоит больше тысячи долларов за пару.

В этот момент она поняла: не исключено, что вор еще в доме. И в тот же самый момент взломщик, выпрыгнув из-за

одежды на вешалках, свалил Бэллард на пол. Хозяйка попятилась к зеркальной стене и замерла, не издав ни звука, в то время как Бэллард сражалась с мужчиной, который был на сотню фунтов тяжелее, чем она.

Схватив туфлю с красной подошвой, взломщик попытался вогнать острый каблук в глаз Бэллард. Она схватила преступника за руку, но понимала, что надолго сил не хватит. Когда каблук начал приближаться к лицу, Бэллард сумела позвать на помощь Дженкинса. В последний момент она отвернулась, и каблук прошелся по щеке, до крови разодрав кожу. Вновь нацелившись на глаз Бэллард, взломщик занес было руку с туфлей, но получил удар по затылку: Дженкинс стукнул его бронзовой статуэткой, которую схватил по пути в спальню. Нападавший, лишившись чувств, завалился на Бэллард, а статуэтка раскололась надвое.

Взломщиком оказался сын семейной пары, страдавший от шизофрении. Несколькими годами раньше он сбежал из дома и – предположительно – поселился на улицах Санта-Моники. В Седарс-Синае на щеку Бэллард наложили четыре шва, а Дженкинса вместе с департаментом засудили: мать, отец и сын выдвинули иск по поводу несоразмерного применения силы и порчи ценного произведения искусства. В итоге город выплатил четверть миллиона долларов, а Бэллард занялась паддлбордингом, чтобы укрепить торс и очистить голову от воспоминаний о каблуке, нацеленном ей в глаз.

Солнце скользнуло за облака. Небо стало серым, вода –

непроглядно-синей. Бэллард нравилось повернуть весло и смотреть, как оно оставляет на воде тонкую линию с исчезающим в темноте белым хвостиком. Потом она снова поворачивала весло и отталкивалась им от воды – с силой, но без всплеска. И доска, и весло двигались почти бесшумно. Бэллард называла этот способ гребли «стилем невидимки».

Описав большой полукруг, доска оказалась в трехстах ярдах от берега, а то и дальше. Каждые несколько минут Бэллард поглядывала на палатку, но к ней никто не подходил, и собака не двигалась с места. Даже издали было видно, кто сегодня дежурит на спасательной вышке, стоявшей в семидесяти пяти ярдах от палатки: Аарон Хейз, один из любимчиков Бэллард. Заместитель Лолы. Бэллард знала, что Аарон тоже присматривает за ее вещами и позже, наверное, зайдет к ней в гости.

Не переставая грести, она задумалась о стычке с Честейном. Бэллард была недовольна своим поведением. Два года она ждала момента, чтобы сказать то, что сказала, – и в итоге выбрала неудачное место и время. Сосредоточившись на предательстве бывшего напарника, она забыла о том, что было действительно важно: об убийстве пяти человек, одной из них была Синтия Хэддел.

Повернув доску, Бэллард продолжала работать веслом. Ее мучило осознание собственной вины. Не важно, что Хэддел второстепенная жертва. Бэллард чувствовала, что подвела ее, отвлекшись на выяснение отношений с Честейном.

Жертвы убийства и детективы, ведущие следствие, связаны священными узами. Пусть Бэллард и не вела это дело, но она первой оказалась рядом с жертвой, поэтому узы здесь также присутствовали.

Резко присев, Бэллард сделала несколько взмахов веслом, каждый раз глубоко погружая его в воду. Нужно было как-то избавиться от назойливой мысли о Честейне. Бэллард попробовала переключиться на Рамону Рамон и слова патрульного Тейлора про некий «Дом вверх дном». Бэллард задумалась, что скрывается за этой фразой. Это сработало: новая мысль вытеснила старую.

После часа на воде Бэллард почувствовала, что кожа под гидрокостюмом покрылась потом. Он помогал сохранить тепло, но мышцы уже онемели. Плечи, бедра и колени заныли, а участок между лопатками болел так, словно на него давили кончиком карандаша. Бэллард повернула к берегу, сделала серию быстрых гребков, каждый раз глубоко погружая весло в воду, и вышла на берег в таком изнеможении, что едва сумела сорвать страховочный ремешок с ноги. Доску по пляжу она волокла до самой палатки, понимая, что нарушает первое правило, которому научил ее отец: «Не тащи доску по песку. Поцарапаешь стекловолокно».

Лола сидела у палатки неподвижно, как часовой.

– Умница, Лола, – сказала Бэллард. – Умница.

Поставила доску рядом с палаткой, потрепала собаку по голове. Расстегнула тент и, засунув руку под клапан внут-

ренного кармана палатки, достала лакомство для Лолы, а заодно вытащила рюкзак. Угостив собаку, велела ей оставаться на месте, а сама направилась к общественным душевым, находившимся за кортами для паддл-тенниса. Скинула гидрокостюм и, не снимая купальника, приняла душ. Расслабляться было нельзя, ибо бездомные уже начали просыпаться и бродить по променаду. Сегодня Бэллард припозднилась: обычно, когда она принимала душ, на променаде еще не было признаков жизни.

Убедившись, что в волосах не осталось соли, она выключила воду, достала из рюкзака большое пляжное полотенце и вытерлась. Сняла с плеч бретельки купальника и обернула полотенце вокруг тела, от подмышек до колен. Сбросила мокрый купальник на бетонный пол, просунула ноги в трусики и подтянула их под полотенце. Бэллард переодевалась на пляжах с тех пор, как училась в средней школе Лахайналуны: тогда у нее была привычка кататься на доске перед началом уроков. Когда полотенце упало на пол, Бэллард уже была облачена в джинсы и толстовку. Вытирая волосы, она пошла назад к палатке, снова потрепала Лолу по голове, заползла в свое нейлоновое укрытие и сказала:

– Гуляй, девочка.

Не сходя с того места, где были закопаны ключи, Лола улеглась. Бэллард достала из кармана на стене палатки еще один кусочек лакомства и бросила его собаке. Та, схватив его в воздухе, тут же вернулась к своей стоической позе. Бэллард

улыбнулась. Два года назад она выкупила Лолу у бездомного, прямо на променаде. Истощенное животное было приковано к магазинной тележке. На теле Лолы были открытые раны – видимо, от укусов других собак. Бэллард хотела лишь спасти ее, но быстро к ней привязалась и оставила собаку себе. Они вместе ходили на тренировочные занятия, и через какое-то время Бэллард начало казаться, что собака понимает, кто спас ее от смерти. Лола стала для новой хозяйки верным другом, и Бэллард отвечала ей взаимностью.

Готовая отойти ко сну, она застегнула молнию палатки. Было одиннадцать часов. Обычно Бэллард спала почти до заката. Сегодня же она поставила будильник телефона на два часа дня. Смена начиналась в одиннадцать вечера, но у Бэллард были планы на день.

Она надеялась проспать три часа, но вышло чуть больше двух: в начале второго ее разбудил низкий рык Лолы – так собака предупреждала, что кто-то вторгся в ее «бесполетную зону».

– Ну же, Лола, ты что, больше меня не любишь?

Отгоняя остатки сна, Бэллард узнала голос. У палатки стоял Аарон Хейз.

– Лола, – пробормотала она, – все нормально. Что такое, Аарон? Я спала.

– Прости. Ну что, составить тебе компанию? У меня перерыв на обед.

– Не сегодня, Аарон. Скоро нужно вставать и ехать по де-

лам.

– Понял. Извини, что разбудил. Кстати, ты сегодня неплохо смотрелась. Такое чувство, что летела над водой. Хорошие взмахи веслом, длинные.

– Хотела вымотаться как следует. Но спасибо, Аарон. Доброй ночи.

– Да, доброй... э-э-э... ночи.

Бэллард слышала, как он усмехнулся и ушел, шурша песком.

– Умница, Лола, – похвалила она собаку.

Перекатилась на спину и уставилась в потолок палатки. Солнце было уже высоко и светило так ярко, что лучи его проникали сквозь нейлон. Закрыв глаза, Бэллард попыталась воскресить в памяти, что снилось ей перед тем, как Аарон ее разбудил. Ничего не вспомнилось, но она была уверена, что видела что-то в серых закоулках сна. Что-то ей все же снилось, вот только что? Бэллард хотелось нырнуть обратно, воскресить сновидение, но она знала: стандартный цикл сна длится около полутора часов. Если уснуть и проспать полный цикл, она потратит больше времени, чем у нее есть. Будильник сработает меньше чем через час, а Бэллард не желала отступаться от своего плана: встать и отправиться на поиски того, кто избил Рамону Рамон кастетом в «Доме вверх дном», а потом бросил умирать на голливудской парковке.

Она выбралась из палатки, свернула ее, убрала в чехол и вернулась к фургону. Положила все на свои места, повеси-

ла гидрокостюм на вешалку. Грузить доску на багажник было труднее, чем снимать. Рост Бэллард был пять футов семь дюймов. Чтобы закрепить багажные ремни, ей нужно было открывать боковую дверь и вставать на подножку. Второй ремень пришелся на логотип фирмы «Уан уорлд»: стоя на носу доски, вскинув руки над головой и отведя их назад, серфер, словно птица, мчит вниз по гигантской стене воды. Этот черный силуэт всегда напоминал Бэллард об отце и его последней волне – той, что забрала его, а Рене металась по пляжу, не понимая, что делать, и беспомощно кричала, повернувшись лицом к океану.

Они с Лолой прошли по променаду до ларька «Поке-поке». Себе Бэллард заказала тарелку «алохи», попросив добавить побольше водорослей, а собаке – говядину в соусе терияки с рисом. Пока они ждали, Лола попила из собачьей поилки под окном. Наконец человек за прилавком протянул им тарелки, а от себя добавил кусочек сухого корма для Лолы.

Пообедав, Бэллард снова отвела Лолу на песок и несколько раз бросила ей мяч, но мысли ее не были сосредоточены на игре с собакой. Все это время она думала о работе. Официально Бэллард не занималась делом «Дансерз», но никак не могла забыть про Синтию Хэддел. Она знала имя и телефонный номер человека, который, по словам родителей, принудил Синтию к продаже наркотиков в клубе. Если им не заинтересуются в ОРОУ, можно дать наводку отделу контрольных закупок Голливудского дивизиона. Бэллард поста-

вила мысленную зарубку: заглянуть туда, когда вернется в участок.

С пляжа Бэллард отправилась к девушке, бравшей Лолу на передержку. Извинилась перед собакой, что день оказался таким коротким, и пообещала в скором времени все компенсировать. Лола кивнула. Наконец-то Бэллард могла приступить к работе.

По пути в Голливуд она на каждом светофоре поглядывала на экран телефона, где была открыта новостная лента «Лос-Анджелес таймс». С момента стрельбы в «Дансерз» прошло чуть больше двенадцати часов, поэтому информации в газете было немного – гораздо меньше, чем Бэллард собрала за предыдущую смену. В «Таймс», однако, сообщалось: Управление полиции Лос-Анджелеса заявляет, что в деле массового убийства подозреваемых еще нет и пока что никто не арестован. Далее в статье говорилось, что полиция не склонна считать это происшествие терактом из тех, что время от времени происходят в ночных клубах США и всей планеты.

Бэллард с разочарованием отметила, что в газете до сих пор не опубликованы имена троих мужчин, убитых в кабине. Этот вопрос интересовал ее больше всего. Кто были эти люди? Что пошло не так?

Проверив ленту «Таймс», Бэллард заглянула в электронную почту. Лейтенант Оливас ничего не написал по поводу ночных рапортов. Очевидно, они были приняты или же их

попросту не заметили. В любом случае временная метка в письме защитит Бэллард, если Оливас вздумает жаловаться, что она не сдала бумаги вовремя.

Подключившись к блютус-соединению фургона, Бэллард позвонила в Голливудский пресвитерианский центр и попросила соединить ее с дежурной медсестрой из интенсивной терапии хирургического отделения. Трубку взяла некая сестра Рэнделл. Бэллард представилась: полностью, вплоть до серийного номера своего жетона.

– Вчера ночью к вам поступила жертва нападения по имени Рамона Рамон. Я отвечала на вызов. Пациентка перенесла операцию на головном мозге. Хочу уточнить, в каком она сейчас состоянии.

Рэнделл попросила подождать. Вернувшись, она сообщила, что Бэллард, должно быть, ошиблась: никакой Рамоны Рамон в больнице нет.

– Да, точно, – сказала Бэллард. – Вы не могли бы проверить другое имя? Рамон Гутьеррес. Забыла, что это настоящее имя жертвы.

Рэнделл снова попросила подождать, но на сей раз вернулась быстрее.

– Да, он здесь. Состояние стабильное, – сообщила она.

– Не знаете, он еще не пришел в сознание? – спросила Бэллард.

– Это вам нужно уточнить у его врача.

– Могу я поговорить с врачом?

– Не сейчас. У него обход.

– Сестра Рэнделл, я расследую это преступление и пытаюсь выяснить, кто избил мистера Гутьерреса. Если он в сознании, я брошу остальные дела и приеду его опрашивать. Если нет, буду вести расследование и дальше. Тот, кто это сделал, очень опасен. Вы уверены, что не способны помочь мне, ответив на один простой вопрос? Гутьеррес пришел в сознание?

Повисла долгая пауза. Рэнделл решала, стоит ли нарушать правила.

– Нет, не пришел. Он до сих пор в искусственной коме.

– Спасибо. И еще: скажите, у нее... то есть у него были посетители? Семья, друзья?

– Здесь ничего не указано, никаких членов семьи. А друзей в отделение интенсивной терапии не пускают.

– Спасибо, сестра Рэнделл.

Коснувшись кнопки отбоя, Бэллард решила, что поедет прямиком в Голливудский участок.

Все рабочие костюмы Бэллард держала в участке, у себя в шкафчике, и переодевалась в один из них перед началом ночной смены. Костюмов было четыре: одинакового стиля и покроя, но разной расцветки и с разным рисунком. Бэллард сдавала их в химчистку попарно, чтобы в шкафчике всегда оставалось два костюма – один про запас. Приехав почти за восемь часов до начала смены, Бэллард надела белую блузку, а поверх нее – серый костюм, свой любимый. Блузок в шкафчике было пять: четыре белых и одна темно-синяя.

Была пятница. Сегодня Бэллард предстояло работать в одиночку. Им с Дженкинсом нужно было закрыть семь смен в неделю. Бэллард работала со вторника по субботу, а Дженкинс – с воскресенья по четверг. На трех сменах они пересекались. Во время отпуска на их места обычно никого не назначали. Если ночью или ранним утром требовался детектив, кого-нибудь вызывали из дома.

Одиночные смены Бэллард вполне устраивали: можно было принимать решения без оглядки на напарника. Знал бы Дженкинс, что у нее на уме, неминуемо перекрыл бы ей кислород. Но сегодня пятница, а это значит, что на службе они встретятся лишь в следующий вторник. До тех пор Бэллард вольна поступать, как сочтет нужным.

Надев костюм, она взглянула в зеркало над умывальни-

ками и провела пальцами по выгоревшим волосам. Обычно этого хватало, чтобы привести прическу в порядок. Из-за многих лет регулярного контакта с соленой водой и солнечными лучами волосы ее посеклись и распушились. Когда они опускались ниже подбородка, Бэллард подстригала их исключительно по необходимости. Такая прическа хорошо шла к загару и даже придавала ей слегка мужеподобный вид, пресекавший заигрывания коллег. Оливас, однако, был исключением из этого правила.

Бэллард выдавила несколько капель визина в глаза, покрасневшие от соленой воды, и была готова приступить к работе. Для начала она отправилась в комнату отдыха и приготовила в кофемашине двойной эспresso. Работать предстояло до самого утра, а спала Бэллард меньше трех часов. Пора запастись кофеином. Она не сводила взгляда с циферблата на стене: нужно войти в детективный отдел, когда будет без нескольких минут четыре. В это время старший детектив отдела ППЛ тоже будет поглядывать на часы, готовясь сбежать на уик-энд.

Оставалось убить по меньшей мере пятнадцать минут. Бэллард сходила наверх, в кабинет отдела контрольных закупок, расположенный рядом с отделом нравов. Главный отдел по борьбе с наркотиками находился в Центральном управлении, но в каждом дивизионе была собственная оперативная группа для обработки жалоб на притоны и наркоточки. Работа на улице, на самом нижнем уровне. Бэллард почти

никого там не знала, поэтому явилась без предварительной договоренности. Дежурный сержант принял информацию о парне Синтии Хэддел, наркоторговце. По его словам, имя, упомянутое отцом Синтии, уже засветилось на полицейском радаре: мелкий барыга, работает по голливудским заведениям. Держит подружку-продавщицу почти в каждом клубе на территории дивизиона. Услышав эти слова, Бэллард сникла. Выходя из кабинета, она задумалась: интересно, знала ли об этом Хэддел или же верила, что она одна-единственная?

Без десяти четыре Бэллард вошла в детективный отдел и искала глазами свободный стол. Тот, за которым она работала утром, по-прежнему был пуст. Должно быть, его хозяин ушел пораньше или же работал четыре дня в неделю по десять часов, и в пятницу у него был выходной. Бэллард села за стол и обвела взглядом помещение. Глаза ее остановились на секции из четырех столов, являвшей собой вотчину отдела ППЛ. В секции никого не было, если не считать главы отдела, Максина Роулэнд, да и та уже собирала портфель, готовясь уйти на уик-энд.

Подгадав момент, Бэллард неторопливо подошла к ней и сказала:

– Привет, Макс.

– А, Рене, – отозвалась Роулэнд. – Ты сегодня рано. Вызвали в суд?

– Нет, пришла подчистить кое-какие хвосты. Нужно было передать тебе дело со вчерашней смены, но стрельба в «Дан-

серз» спутала все карты, так что пришлось отложить.

– Ясно. Что за дело?

– Похищение с тяжкими телесными. Жертва – трансгендер. Если биологически – мужчина. Патруль нашел ее на парковке во время объезда Санта-Моники. Сейчас она в Пресвитерианском центре, в коме.

– Черт!

Роулэнд тут же увидела, как двери с надписью «Уик-энд» закрываются перед самым ее носом. На это Бэллард и рассчитывала.

– Изнасилование было? – спросила Роулэнд.

Бэллард поняла: она думает, нельзя ли спихнуть дело в отдел по борьбе с сексуальными преступлениями.

– Скорее всего, но допросить потерпевшую не удалось. Она потеряла сознание.

– Черт! – снова произнесла Роулэнд.

– Смотри, я как раз собиралась садиться за рапорт. До смены еще есть время, так что могу повозиться с этим делом. Давай ты пойдешь домой, а я оставлю его себе. Завтра я тоже работаю, так что в выходные подумаю над ним, а на следующей неделе передам в твой отдел.

– Уверена? Если речь о тяжких телесных, не хочу, чтобы дело вели спустя рукава.

– Поверь, этого не будет. С тех пор как меня поставили на «ночной сеанс», я ничего не довела до конца. А здесь есть кое-какие улики. Не припомнишь, в последнее время где-

нибудь фигурировал кастет?

Роуленд на мгновение задумалась.

– Кастет?.. Нет, – покачала она головой.

– Как насчет похищений с бульвара? Ее куда-то отвезли, связали, а потом привезли назад. Не исключено, что продержали пару дней.

– Навскидку ничего не вспомню. Нужно спросить в отделе нравов.

– Знаю. Туда и собиралась, как только ты дашь добро. И еще: «Дом вверх дном». Не доводилось о таком слышать?

– Не поняла?

– Жертва сказала эту фразу патрульным. Когда ждали «скорую», ненадолго пришла в себя. Сказала, что ее избили в «Доме вверх дном».

– Прости, никогда о таком не слышала.

– Ну ладно. Были дела, похожие на это? Похищение с паники?

– Нужно подумать. Пока что ничего не могу сказать.

– Значит, прогоню через компьютер. Может, что-нибудь найдется.

– Уверена, что хочешь взять это дело себе? Я могу вызвать пару наших ребят. Они, конечно, не обрадуются, но работа есть работа.

– Да, уверена. Можешь ехать домой. Не нужно никого вызывать. Если хочешь, на выходных буду держать тебя в курсе.

– Честно говоря, могу подождать до понедельника. Хочу

свозить детей в Санта-Барбару. Чем меньше забот, тем лучше.

– Договорились.

– И смотри у меня, Рене, не облажайся.

– Э! Я же сказала, что этого не будет.

– Вот и славно.

– Хороших тебе выходных.

Бэллард не обиделась: Роуленд всегда была грубиянкой. Манеры ее не отличались утонченностью: должно быть, сказывалась работа с изнасилованиями.

Роуленд продолжила собирать вещи, а Бэллард вернулась на второй этаж. На сей раз она заглянула в отдел нравов. Как и в контрольных закупках, у здешних копов не было твердого графика: никогда не знаешь, кто будет на месте. Войдя в кабинет, Бэллард заглянула за стойку – в нишу, где сидели сержанты. Ей повезло. За одним из столов расположился Пистоль-Пит Мендес с бутербродом в руке. Кроме него, в нише никого не было.

– Чего тебе надо? – Такой фразой Мендес здоровался с гостями отдела. – Заходи давай.

Сунув руку за маятниковое воротце, Бэллард нащупала щеколду, отодвинула ее и вошла. Оказавшись в нише, села у стола Мендеса и сказала:

– Рамон Гутьеррес. Я решила заняться его делом. Вчера ночью что-нибудь было слышно?

– Ни звука, – ответил Мендес. – Но на бульваре драконов

мы не работали. Были в Восточном Голливуде, а это совсем другая песня.

– Угу. Когда ты в последний раз был на Санта-Монике?

– С месяц назад. В последнее время там все чинно-мирно. Но они как тараканы. Сколько ни трави, всегда возвращаются.

– Знаешь что-нибудь про злодея, который снимает проституток и делает им больно?

– Давно такого не было.

– Рамону обработали кастетом. И еще этот парень кусался.

– Кусачих у нас хватает, но насчет кастета ничего не припомню. Ну а как твой транс, выживет?

– Пока неизвестно. Сейчас лежит в коме в Пресвитерианском центре. Но скоро ее переведут в окружную больницу – как только поймут, что у клиента пустой карман.

– Жизнь, она такая. Говоришь, *ее*?

– Ага, *ее*. Так можно мне взять дело Рамоны?

– Хорошо, сейчас найду. Только когда я смотрел в прошлый раз, это было дело не Рамоны, а Рамона Гутьерреса. Что еще расскажешь?

– Слыхал о месте под названием «Дом вверх дном»? Рамона произнесла эту фразу, когда ее подобрали.

Как и Роуленд, Мендес задумался, после чего помотал головой:

– Нет, о таком мы здесь не знаем. Есть подпольный БД-

СМ-клуб под названием «Вертиго». Переезжает с места на место.

– Вряд ли речь о нем, – покачала головой Бэллард. – Вертиго – это головокружение, «вверх дном» тут не скажешь. И я не думаю, что это какой-то клуб. Здесь все сложнее. Потерпевшей повезло, что осталась жива.

– Ну, ничего другого предложить не могу. Пойду поищу твое дело.

Он встал, а Бэллард осталась на месте. Пока Мендеса не было, она изучала расписание на доске приказов, висевшей у стола. Похоже, отдел нравов проводил операции чуть ли не каждую ночь, и всякий раз – в новом районе Голливуда. Переодетые полицейские исправно принимали клиентов, предлагавших им деньги за секс. Правильно сказал Мендес: они как тараканы. Если появились, никогда не переведутся. Панель пережила даже появление Интернета с его легким доступом к бесплатному и платному сексу. Уличные проститутки – это навсегда.

Бэллард слышала, как Мендес гремит ящиками картотеки, пытаюсь найти дело Гутьерреса.

– Чем у вас вчера все закончилось? – спросила она.

– Да ничем, – отозвался Мендес из другого конца кабинета. – Наверное, всех распугала стрельба в клубе. Патрули всю ночь гоняли туда-сюда.

Вернувшись к столу, он положил перед Бэллард светло-желтый конверт.

– Здесь все, что у нас есть. Знаешь, могла бы и в компьютере посмотреть.

– Нет уж, мне лучше твердую копию, – сказала Бэллард.

При прочих равных она предпочитала работать с бумагой, а не с компьютерными файлами. Всегда есть вероятность, что в исходнике окажется больше информации: рукописная пометка на полях, телефонный номер, нацарапанный на обороте, дополнительные фото места преступления. В компьютерных файлах такого не было.

Поблагодарив Мендеса, Бэллард сказала: если в деле что-нибудь прояснится, она будет на связи. Мендес пообещал, что поспрашивает на улицах, и добавил:

– Надеюсь, ты его поймаешь.

Бэллард вернулась на первый этаж. Прежде чем сесть за дело, нужно было совершить еще одну остановку. В углу располагался кабинет начальника детективного отдела. Все три окна кабинета выходили на общий зал. Внутри за столом расположился лейтенант Терри Макадамс. Он был погружен в работу. Бэллард неделями не видела своего непосредственного начальника: их рабочее время не совпадало. Макадамс обычно был в участке с восьми до пяти: любил приходить в отделение, когда детективы уже собрались и приступили к работе, а уходить предпочитал последним.

Постучавшись в открытую дверь кабинета, Бэллард дождалась приглашения войти.

– Давненько не виделись, Бэллард, – заметил Макадамс. –

Слыхал, вчера у тебя была веселая смена.

– Смотря что считать весельем, – ответила Бэллард. – Дел было по горло, это уж точно.

– Да, читал в журнале записей, что перед заварухой в «Дансерз» вы с Дженкинсом занимались каким-то похищением. Но рапорта вашего пока не видел.

– Потому что его нет. Об этом я и хотела поговорить.

Она вкратце рассказала о деле Рамоны Рамон и сообщила Макадамсу, что Максин Роулэнд разрешила взять его на несколько дней. Строго говоря, нужно было сперва получить одобрение шефа, но Бэллард знала: как руководитель, Макадамс любил, когда проблему подают на блюдечке и чтобы сверху бантик. Такой подход изрядно упрощал ему жизнь: оставалось лишь кивнуть или помотать головой.

Макадамс сказал то, что Бэллард и рассчитывала услышать.

– Ну ладно, займись. Но смотри, чтобы это не помешало твоим прямым обязанностям. В ином случае у нас будут проблемы, а я проблем не люблю.

– Проблем не будет, лейтенант, – пообещала Бэллард. – Я умею расставлять приоритеты.

Выйдя из кабинета, Бэллард заметила, что немногие оставшиеся в отделе детективы собрались перед тремя телеэкранами, висевшими на дальней стене зала. Обычно звук был выключен, но сейчас кто-то добавил громкости на центральном телевизоре: в пятичасовых новостях дали сюжет о

происшествии в «Дансерз».

Бэллард не спеша подошла ближе. На экране шла запись пресс-конференции, сделанная чуть раньше тем же днем. На трибуне стоял начальник полиции, а по бокам – Оливас и капитан Ларри Гэндел, шеф отдела ограблений и убийств. Начальник полиции уверял репортеров и публику, что происшествие в «Дансерз» не является актом терроризма. Хотя точный мотив массового убийства пока не установлен, говорил он, следствие работает над выявлением причин, приведших к такому чрезвычайному всплеску насилия.

Затем на экране появилась дикторша. Она сообщила, что служба коронера пока что не предоставила прессе имена убитых, но некий источник девятого канала утверждает, что трое из пяти жертв – те, что были убиты в кабинке клуба, – имеют уголовное прошлое. Ранее они обвинялись в наркоторговле, вымогательстве и актах насилия.

Затем дикторша перешла к сюжету о другой пресс-конференции Управления полиции Лос-Анджелеса – касательно арестов по обвинению в торговле людьми. Дело было в порту Лос-Анджелеса: в начале года там перехватили грузовой контейнер с девушками, насильно вывезенными из Восточной Европы. На экране пошли кадры оперативной съемки: голые стены морского контейнера, вереница выходящих из него девушек и сотрудники гуманитарной службы, предлагающие им питьевую воду и набрасывающие одеяла им на плечи. Затем пустили видеозапись поновее: детективы вы-

водят из тюремного автобуса нескольких мужчин в наручниках. Сюжет не имел отношения к Голливуду, и следовательно с пультом, потеряв к нему интерес, снова выключил звук. Возражений не последовало, и группа у экранов рассосалась: все разошлись по своим секциям или вышли из зала навстречу уик-энду.

Вернувшись к столу, Бэллард просмотрела содержимое папки из конверта, одолженного ей Мендесом: несколько рапортов об арестах трехлетней давности и фото, сделанные при задержании. На снимках было видно, как менялась внешность Рамоны Рамон. Изменения были не просто косметические, вроде новой формы бровей. На фотографиях анфас и в профиль было заметно, что губы Рамоны стали полнее, а кадык исчез.

К внутренней стороне папки были прикреплены три «шмонки» размером три на пять дюймов, заполненные патрульными или полицейскими из отдела нравов, когда тем случалось остановить Рамону на бульваре и спросить, чем она, собственно, занимается. Официально их называли «карточками собеседования» или «КС», но чаще все-таки «шмонками»: Американский союз защиты гражданских свобод регулярно жаловался, что подобные несанкционированные собеседования с гражданами, вызвавшими подозрение у полиции, по сути своей являются обыском. Будучи в полном восторге от этого названия, личный состав продолжал останавливать подозрительных личностей, допрашивать их и за-

носить в карточки их особые приметы, татуировки, а также информацию о связи с той или иной бандой и излюбленных местах сборищ.

В карточках, выписанных на Рамону Рамон, по большей части говорилось одно и то же, и почти все это Бэллард уже знала. Некоторые строки давали характеристику не Рамоне, а их автору. Один полицейский, к примеру, написал: «Мать божья, да это ж парень!»

Но кое-что новое Бэллард все же выяснила: у Гутьерреса / Рамоны Рамон не было водительского удостоверения. Следовательно, установить точный домашний адрес невозможно. В рапортах вместо адреса указывали место задержания – чаще всего бульвар Санта-Моника. Сама Рамона в качестве адреса дважды называла Гелиотроп-драйв. В третьей карточке говорилось: «Живет в трейлере, кочует по Северному Голливуду». Полезная информация. Выходит, Бэллард не зря заглянула к Мендесу.

Закончив просмотр папки и ознакомившись с прошлым Рамоны, Бэллард включила компьютер и приступила к поискам подозреваемого. Она планировала двигаться от малого к большому: сперва проверить местные происшествия, схожие с нападением на Рамону. Если ничего не найдется, Бэллард расширит зону поиска до Калифорнии, затем США, а затем всего мира.

Умение работать с компьютерными архивами департамента считалось отдельным видом искусства. У поисковой

машины было официальное название: «Система поиска по сыскным делам», или СПСД. Одна ошибка в поисковом запросе легко приводила к тому, что на мониторе загоралась надпись «Записей не найдено», даже если в данных имелось близкое совпадение. Бэллард составила короткий перечень слов для запроса, планируя сужать список, пока поиск не увенчается успехом.

Трансгендер

Укус

Кастет

Связанные руки

Проститутка

Бульвар Санта-Моника

Запустив поиск по всем делам архива, Бэллард тут же получила отклик: «Записей не найдено». Убрала строчку «Бульвар Санта-Моника», опять нажала на кнопку поиска, и снова безрезультатно. Продолжила возиться со списком ключевых слов, удаляя строки и пробуя разные комбинации и варианты – например, «Связали» и «Веревка» вместо «Связанные руки» или «Эскорт» вместо «Проститутка». Но и для этих комбинаций в базе данных не нашлось совпадений.

Наконец Бэллард отчаялась. К тому же начинал сказываться недосып. Встав из-за стола, она принялась расхаживать по пустым проходам между секциями, чтобы разогнать кровь. Вторую чашку кофе решила не пить: меньше всего ей

хотелось, чтобы от кофеина разболелась голова. На какое-то время Бэллард задержалась перед беззвучным телеэкраном и взглянула на мужчину, жестикулирующего на фоне синоптической карты. Судя по карте, погода в Лос-Анджелесе портиться не собиралась.

Пришло время вывести зону поиска за пределы города, а это значило, что придется разгребать уйму прошлых дел, пытаясь найти какую-либо связь с нынешним. Работа изнурительная, перспективы туманные. Вернувшись к столу, Бэллард снова позвонила в Голливудский пресвитерианский центр: мало ли, произошло чудо, потерпевшая пришла в сознание, и с ней можно побеседовать.

Но чуда не случилось. Рамона Рамон все еще была в искусственной коме.

Повесив трубку, Бэллард взглянула на список ключевых слов, так и не найденных в базе данных.

– Черт-те что, а не поисковик! – сказала она вслух.

И решила попробовать другой подход.

Калифорния была одним из четырех штатов, где ношение кастета – или цестуса, как его называли в юридических документах, – считалось незаконным. В других штатах имелись ограничения по возрасту и области применения, – например, запрещено было пользоваться цестусом при совершении преступного деяния. Но в Калифорнии кастеты были незаконны от начала и до конца, за ношение такой штуковины запросто могли впаять фелонию.

Бэллард ввела в поиск по базе данных еще один запрос: все дела за последние пять лет, в которых имелись слова «кастет», «тяжкое уголовное преступление» или «судебно наказуемый проступок».

Поисковая машина вернула четырнадцать совпадений в различных файлах. На удивление много, если учесть, что за последние десять лет службы Бэллард крайне редко сталкивалась с делами, в которых фигурировал каскет, да и слышала о таких нечасто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.